

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 2
февраль 2020

«Сформировать правильно материалы уголовного дела — значит расположить их в порядке, удобном для изучения с последующей возможностью восстановления событий, имевших место в прошлом относительно предмета доказывания и самой деятельности, связанной с доказыванием»

Багмет А.М., Османова Н.В. «Деятельность следователя по формированию материалов уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования»

Стр. 33

- О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства
- Судебная неустойка за неисполнение судебного акта: ключевые позиции Верховного Суда РФ
- Проверка показаний на месте: криминалистический анализ следственного действия, этические аспекты уголовно-процессуальной деятельности проверки и оценки данного доказательства
- Об административных и судебных процедурах, связанных с принудительным медицинским вмешательством в отдельных скандинавских странах (Королевство Норвегия и Королевство Швеция)

ISSN 1812-3791

9 771812 379776

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 2/2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Шевченко И.М. О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства

9 Морхат П.М. Судебная неустойка за неисполнение судебного акта: ключевые позиции Верховного Суда РФ

16 Плотников Д.А., Усцов Д.К. Некоторые проблемы рассмотрения дел о наследовании выморочного имущества

21 Салманидина А.С. Принцип непосредственного исследования доказательств в гражданском судопроизводстве

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

27 Арсентьева С.С., Савченко А.Н. Проверка показаний на месте: криминалистический анализ следственного действия, этические аспекты уголовно-процессуальной деятельности проверки и оценки данного доказательства

33 Багмет А.М., Османова Н.В. Деятельность следователя по формированию материалов уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования

39 Бозров В.М. Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное

СУДОПРОИЗВОДСТВО

51 Напалкова И.Г. Проблема идентификации национальных правовых систем в условиях глобализации

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

56 Соловьёв А.А. Об административных и судебных процедурах, связанных с принудительным медицинским вмешательством в отдельных скандинавских странах (Королевство Норвегия и Королевство Швеция)

Подписка по России:
«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,
«Почта России». Электронный каталог — П1774,
а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 18.02.2020.

Дата выхода в свет: 26.02.2020.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь
Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ,
д.ю.н., профессор;

Иванов А.А., к.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ,
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке;

Хохрякова О.С., заместитель Председателя
Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда
по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке,
д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда
Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда
Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО,
заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)
Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

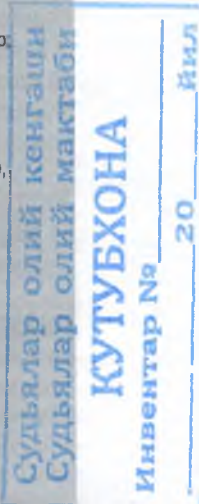
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 2/2020

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT ATTACHED THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 Shevchenko I.M. On Application of Transaction Invalidity Consequences to a Debtor Undergoing a Bankruptcy Procedure

9 Morkhat P.M. Judicial Fine for Non-Fulfillment of a Judicial Act: Key Positions of the Supreme Court of the Russian Federation

16 Plotnikov D.A., Ustsov D.K. Some Issues of Review of Cases on Inheritance of Escheated Property

21 Salmanidina A.S. The Principle of Direct Examination of Evidence in Civil Proceedings

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

27 Arsenyeva S.S., Savchenko A.N. Verification of Testimony on Site: A Criminalistic Analysis of an Investigative Action, Ethical Aspects of Criminal Procedure Verification and Evaluation of Such Evidence

33 Bagmet A.M., Osmanova N.V. Putting Together Criminal Case Files by an Investigator at the Stage of Termination of Pre-Trial Investigation

39 Bozrov V.M. The Essence, Content and Form of Justice in Criminal Cases in the Russian Legal Science: General and Special

JUDICIAL PROCEEDINGS

51 Napalkova I.G. The Issue of Identification of National Legal Systems in Conditions of Globalization

FOREIGN EXPERIENCE

56 Solovyev A.A. On Administrative and Judicial Procedures Related to Forced Medical Treatment in Some Scandinavian Countries (the Kingdom of Norway and the Kingdom of Sweden)

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press — index 85499,
Russian Post. Digital Catalogue — П1774
and also through www.lawinfo.ru
Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.
Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 18.02.2020.

Edition was published: 26.02.2020.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

DEPUTY EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobry'nin K.E., the State Secretary
of the Federal chamber of lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Ivanov A.A., PhD (Law), Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired);

Khokhryakova O.S., Deputy Chairwoman of the Constitutional
Court of the RF, LL.D., Professor

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of human rights
from the RF, LL.D., Associate professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored lawyer of the Russian Federation

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N., Platonova O.F., Truncevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02; 12.0
0.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — law science).

Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Edito-
rial Staff shall be subject to legal prosecution.

О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства

Шевченко Илья Михайлович,

председатель судебного состава Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, кандидат юридических наук
i.shevchenko@mail.ru

Автор рассуждает о том, как реализуется реституционное требование по отношению к контрагенту, который находится в процедурах банкротства: 1) имущество, являющееся предметом реституции, исключается из конкурсной массы последнего либо 2) должник, оспоривший сделку, приобретает неденежное требование к контрагенту, которое трансформируется в денежное. В статье утверждается, что решение этого вопроса зависит от того, считать ли распоряжительную сделку по передаче вещи абстрактной или каузальной.

Ключевые слова: недействительность сделки, реституция, распоряжительные сделки, абстрактные и каузальные сделки.

On Application of Transaction Invalidity Consequences to a Debtor Undergoing a Bankruptcy Procedure

Shevchenko Ilya M.

Presiding Judge of the Commercial Court of Saint Petersburg and the Leningrad Region
PhD (Law)

The author speculates about how to exercise a restitution claim against a contractor undergoing bankruptcy procedures: 1) the property being the subject of restitution is withdrawn from the bankruptcy estate of the latter; or 2) a debtor contesting a transaction acquires a non-monetary claim against a contractor, which is transformed in a monetary claim. The article states that solution of this issue depends on whether to consider the dispositive transaction of object transfer abstract or causal.

Keywords: transaction invalidity, restitution, dispositive transactions, abstract and causal transactions.

Поводом к написанию настоящей статьи стало следующее дело, рассмотренное Арбитражным судом Северо-Западного округа (далее — АС СЗО).

ООО «Вега», являющееся конкурсным кредитором, обратилось в арбитражный суд в рамках дела о банкротстве ООО «Капитал-Инвест» с заявлением о признании не подлежащими включению в конкурсную массу трех нежилых помещений, расположенных по Краснопутиловской ул. в Санкт-Петербурге.

Ранее между ООО «Вега» (продавец) и ООО «Капитал-Инвест» (покупатель) был заключен договор купли-продажи указанных нежилых помещений, и он был исполнен; сведения о переходе прав собственности на помещение отображены в Едином государственном реестре недвижимости.

Решением от 22 декабря 2017 г. по делу № А56-46151/2016¹ Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области признал этот договор ничтожным; суд апелляционной инстанции и суд округа оставили решение без изменения (постановления от 16 апреля 2018 г. и 11 декабря 2018 г. соответственно).

В обоснование заявления ООО «Вега» указало, что коль скоро договор купли-продажи объектов недвижимости является ничтожным, они не перешли в собственность должника, а следовательно, и не вошли в конкурсную массу.

¹ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 22 декабря 2017 г. по делу № А56-46151/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/SpCMbfpm5dJ0/>

Суды трех инстанций согласились с подобным подходом.

Один из кредиторов ООО «Капитал-Инвест» — коммерческий банк «Северо-Западный 1 Альянс Банк» — указывал в кассационной жалобе, что ООО «Вега» избрало неверный способ судебной защиты, поскольку ему следовало заявить к должнику требование о передаче объектов недвижимости, трансформированное в денежное в порядке п. 34 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»² (далее — Постановление № 35).

Данные доводы были отклонены арбитражным судом округа (Постановление АС СЗО от 25 ноября 2019 г. по делу № А56-31553/2016³), и мы полностью согласны с его позицией.

Более того, подход, занятый окружным судом, соответствует абз. 7 п. 29.5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»⁴ (далее — Постановление № 63).

Согласно данному пункту, если действительная сделка, связанная с передачей вещи, была исполнена только контрагентом в пользу должника, и должник обязан в порядке реституции вернуть контрагенту владение его вещью, то по такому требованию допускается исполнительное производство в ходе любой процедуры банкротства, поскольку эта вещь не входит в конкурсную массу и требование о ее возврате не является конкурсным.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление АС СЗО от 25 ноября 2019 г. № Ф07-11994/2019 по делу № А56-31553/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако в вышеназванном деле затронут весьма интересный и пока недостаточно исследованный в российском банкротном праве вопрос — о применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедурах банкротства.

В зарубежных правовых порядках по нему уже имеются практические и доктринальные позиции, и решается этот вопрос иначе.

Так, Х. Коциоль в своей работе «Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам»⁵ указывает, что в немецком праве господствует точка зрения, согласно которой управомоченному на оспаривание субъекту не принадлежит в конкурсе противоположной стороны никакого притязания о выделении предметов из конкурсной массы, а принадлежит лишь конкурсное требование.

Автор рассматривает ситуацию, в которой оба должника — как оспаривающий сделку, так и его контрагент — находятся в конкурсе. Как полагает Х. Коциоль, кредиторы первого должника не должны пользоваться каким-либо приоритетом перед кредиторами второго должника. Речь идет прежде всего о кредиторах, требования которых не обеспечены залогом имущества должника, поскольку залоговые кредиторы могут получить удовлетворение за счет стоимости предмета залога.

Поскольку как кредиторы первого должника, от имени которого оспаривается сделка, так и второго должника (контрагента по сделке) не позаботились о том, чтобы обеспечить удовлетворение их требований за счет залога имущества должника, отсутствуют политико-правовые причины для предоставления приоритета кредиторам первого из должников.

Как отмечает Х. Коциоль, такие немецкие авторы, как Паулус и Герхардт, придерживавшиеся противоположных позиций, остались в меньшинстве⁶.

Таким образом, в немецком праве видится более верным и справедливым подход, при котором в случае признания

⁵ Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) / пер. К.А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 254–255.

⁶ Там же.

недействительной сделки, совершенной в отношении несостоятельного должника, имущество, отчужденное в пользу этого должника, признавалось бы перешедшим в его собственность, а выручка от продажи такого имущества равномерно направлялась бы на удовлетворение требований его кредиторов, в том числе кредитора по реституционному требованию.

В чем причина такой разницы в подходах между российским и немецким правом?

У этих правопорядков есть общие черты, значимые для исследуемого вопроса: в обоих разделяются обязательственные сделки и действия по их исполнению (распорядительные сделки). При этом право собственности на вещь переходит к покупателю лишь с вручением вещи, а не в момент заключения договора как обязательственной сделки (п. 1 ст. 223 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ⁷).

В обоих правопорядках обсуждается категория распорядительных сделок.

Так, в немецком праве признается, что, например, купля-продажа вещи опосредуется тремя договорами: договором купли-продажи, опосредующим только обязательственные притязания, и двумя договорами, опосредующими переход права собственности на саму вещь и на деньги. Такое разделение служит предпосылкой для принципа абстракции: недействительность обязательственной сделки не влечет недействительность распорядительной (исполнительной) сделки⁸.

В российском праве сама возможность выделения распорядительных сделок вызывает споры. Так, А.Г. Карапетов отмечает, что едва ли может считаться сделкой такое исполнение обязательств, как, например, воздержание от распространения конфиденциальной информации или оказание услуг. В подобных случаях совершенно неважно, имелась ли у должника воля произвести исполнение или нет.

Напротив, когда речь идет о совершении таких действий, как передача вещи (например во исполнение договора купли-продажи), можно говорить о наличии распорядительных волеизъявлений — например продавца на передачу вещи в собственность покупателя и покупателя на принятие в собственность этой вещи⁹.

Для законодательства о банкротстве по меньшей мере с 2009 г. вопрос о признании сделочной природы за действиями по исполнению обязательств не является актуальным, поскольку п. 3 ст. 61.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰ (далее — Закон о банкротстве) прямо признал возможность оспаривания таких действий по правилам главы III.1 Закона.

Более того, Закон о банкротстве признает возможность оспаривания действий, направленных на исполнение обязательств (обязанностей), возникших не только из гражданских, но и из трудовых, семейных, налоговых и других правоотношений.

Таким образом, для целей дальнейшего изложения мы примем за данность признание российским правопорядком категории распорядительных сделок.

Следует подчеркнуть важный нюанс. Если в немецком правопорядке различаются обязательственная сделка, распорядительная сделка и непосредственно действия по исполнению обязательств, то в российском праве вторая и третьи объединяются одним понятием — распорядительная сделка.

С нашей точки зрения, разделение распорядительной сделки и самих действий по исполнению обязательства — ненужное умножение сущностей.

Ключевое различие между правопорядками состоит в следующем.

Как мы подчеркнули выше, в немецком праве распорядительная сделка обладает свойством абстрактности, т.е.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Шапф Я. Система германского гражданского права : учебник / пер. с нем. С.В. Королева. М., 2006. С. 88, 91.

⁹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2018. С. 29–30.

¹⁰ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

недействительность обязательственной сделки не влечет недействительности распорядительной сделки.

В российском праве, напротив, господствует воззрение, согласно которому распорядительные сделки являются каузальными, т.е. зависят от оснований их совершения (обязательственных сделок).

Как указывает В.В. Байбак, абстрактность сделки — исключение из общего правила, которое должно быть прямо указано в законе. Автор отмечает, что кауза присутствует в сделке всегда, поскольку любое имущественное предоставление совершается ради достижения определенной цели. В связи с этим автор предлагал исключить из ГК РФ ст. 1106, как дающую основания считать цессию абстрактной сделкой¹¹.

Абстрактность тех или иных сделок рассматривается в российском праве как нежелательное явление, поскольку препятствует суду в установлении действительных обстоятельств дела.

При таком подходе недействительность обязательственной сделки влечет недействительность и распорядительной сделки.

Как же занятая позиция об абстрактности или каузальности распорядительной сделки (традиции) влияет на применение реституции в отношении банкротящегося должника?

Если придерживаться точки зрения о каузальности традиции, получается следующая картина. При недействительности обязательственной сделки недействительна и распорядительная сделка. Контрагент по сделке, находящийся в процедуре банкротства, не стал собственником вещи, и она не вошла в его конкурсную массу. Следовательно, вещь возвращается лицу, оспаривающему сделку¹². Если в отношении него введена процедура банкротства, она входит в его конкурсную массу (п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве).

Если придерживаться точки зрения об абстрактности традиции, то спорная вещь

считается перешедшей в собственность контрагента по сделке. При введении в отношении него процедуры банкротства эта вещь попадает в конкурсную массу. Но поскольку отпали правовые основания для передачи вещи, у оспаривающего сделку лица возникает требование о ее возвращении по правилам о неосновательном обогащении (п. 1 ст. 1102 ГК РФ).

Вместе с тем в процедуре конкурсного производства неденежные требования к должнику преобразуются в денежные в соответствии с абз. 2 п. 34 Постановления № 35 (определения Верховного Суда Российской Федерации, далее — ВС РФ, от 18 августа 2016 г. № 301-ЭС16-4180, от 28 декабря 2016 г. № 308-ЭС16-12236 по делу А32-4823/2010 и ряд др.¹³).

Следовательно, в первой ситуации лицо, оспаривающее сделку, получит приоритет перед другими кредиторами должника, а во второй — будет в равном положении с ними.

Вторая ситуация кажется нам более справедливой. В случае, когда как оспаривающее сделку лицо, так и его контрагент находятся в процедурах банкротства, от избранного подхода зависит лишь то, будет ли поставлено в приоритетное положение сообщество кредиторов лица, оспаривающего сделку, перед сообществом кредиторов контрагента.

С нашей точки зрения, оснований для предоставления такого приоритета не имеется. Зачастую в процедурах банкротства выявляется, что сделка по отчуждению активов должника совершена в пользу лица, юридически или фактически аффилированного с должником. Пункт 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве содержат презумпции, облегчающие доказывание недобросовестности контрагента должника при его заинтересованности по отношению к последнему.

Но коль скоро кредиторы вступили в правоотношения с отдельными лицами, входящими в группу лиц, обладающих общими экономическими интересами (определение ВС РФ от 26 мая 2017 г.

¹¹ Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 10, 169.

¹² Арбитражного управляющего или кредитора, оспаривающего сделку, мы рассматриваем как законного представителя конкурсной массы.

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2016 г. № 301-ЭС16-4180 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 308-ЭС16-12236 // СПС «КонсультантПлюс».

№ 306-ЭС16-20056(6)¹⁴), едва ли обоснованно выделять и предоставлять приоритет тому или иному сообществу кредиторов. Более того, перечни кредиторов различных аффилированных лиц могут полностью или частично совпадать (например одно из аффилированных лиц является основным должником, а другое — поручителем).

Кроме того, нам кажется справедливым аргумент Х. Коциоля: раз кредиторы как оспаривающего сделку лица, так и его контрагента не позаботились о том, чтобы обеспечить исполнение обязательств перед ними залогом или другими способами, было бы неверно предоставлять кому-либо из них преимущественную защиту.

Тем не менее подобный подход, хотя и кажется нам справедливым, но все же противоречит представлению о каузальности традиции, свойственному российскому праву. В этом аспекте позиция, занятая АС СЗО в постановлении от 25 ноября 2019 г. по делу № А56-31553/2016¹⁵, находится в русле отечественной правовой доктрины.

Однако возможно вот какое развитие второго подхода, приближающее его к противоположной позиции.

Как разъяснено в абз. 5 п. 29.5 Постановления № 63, если недействительная сделка была исполнена обеими сторонами (как должником, так и контрагентом), то в случае, когда должник обязан в порядке реституции уплатить контрагенту деньги, а контрагент — вернуть должнику вещь, необходимо иметь в виду, что в связи со встречным характером обязательств сторон (ст. 328 ГК РФ) в таком случае применяются правила ст. 359 ГК РФ об удержании, а потому на основании ст. 360 ГК РФ требование контрагента включается в реестр как обеспеченное залогом и удовлетворяется в порядке ст. 138 Закона о банкротстве.

Применение данного разъяснения к спорной ситуации приведет к тому, что предоставление приоритета лицу, оспаривающему сделку, в виде изъятия

вещи из конкурсной массы контрагента будет уравновешено предоставлением последнему преимущества в получении выручки за счет реализации спорного имущества в деле о банкротстве лица, оспорившего сделку (п. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве). Однако такое уравнивание происходит лишь отчасти, поскольку кредиторы первой и второй очередей, а также кредиторы по текущим платежам лица, оспаривающего сделку, будут поставлены в преимущественное положение перед аналогичными кредиторами контрагента, а это представляется нам несправедливым.

Отдельно следует остановиться на ситуации, когда оспариваются сами сделки по исполнению обязательств, т.е. пороком обладает сама распорядительная сделка. Они могут быть признаны недействительными по п. 2 ст. 61.2 и ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Возьмем пример, когда по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве оспорен платеж в пользу контрагента. В таком случае право собственности на соответствующие денежные суммы перейдет контрагенту ввиду смешения с его собственными деньгами или денежными средствами.

Тогда поставленная нами проблема приобретет новые очертания. Если проводить до конца идею о том, что у оспаривающего сделку лица есть право на изъятие имущества из конкурсной массы контрагента, то получится, что оспаривающему сделку лицу должен быть предоставлен сверхприоритет в виде погашения его требования до удовлетворения требований по текущим платежам и реестровых требований (п. 2 и 4 ст. 134 Закона о банкротстве).

Именно так можно истолковать правовую позицию ВС РФ, выраженную в Определении от 9 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2706¹⁶ по вопросу применения п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве, согласно которому подлежат исключению из конкурсной массы кредитной организации денежные средства, находящиеся на счете нотариуса, ранее переданные ему в депозит.

¹⁴ Определение ВС РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление АС СЗО от 25 ноября 2019 г. № Ф07-11994/2019 по делу № А56-31553/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2706 по делу А25-2194/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Судебная коллегия по экономическим спорам указала на то, что денежные средства, составляющие депозит нотариуса, не могут быть обособлены физически, однако п. 2 ст. 189.91 Закона о банкротстве реализуется путем приоритетного удовлетворения требования нотариуса.

Предоставление приоритета требованию нотариуса мотивировано тем, что его деятельность осуществляется от имени государства (ч. 1 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1¹⁷).

Однако в ситуации, когда оспаривается сделка в отношении рядового участника гражданского оборота, подобные политико-правовые соображения не срабатывают. Едва ли обоснованно предоставлять приоритетное право на удовлетворение требования должника, эффективно оспорившего сделку, в деле о банкротстве его контрагента лишь ввиду того, что право собственности на денежные суммы не может быть возвращено в рамках реституции.

И тогда картина распадается: получается, что при оспаривании сделки, по которой отчуждено имущество (помимо денежных средств), оно изымается из конкурсной массы контрагента, а при оспаривании сделки по уплате денежных сумм какого-либо приоритета оспорившему сделку лицу не предоставляется.

Возможно, что это дополнительный аргумент в пользу верности подхода, основанного на абстрактности традиции.

Еще одно замечание, которое мы хотели бы сделать в конце, состоит в том, что мы не разделяем решение поставленного вопроса в зависимости от того, оспорена ли сделка по общим нормам ГК РФ, равно как и корпоративного законодательства, или по нормам Закона о банкротстве — в частности, ст. 61.2 и 61.3 указанного закона.

Хотя в литературе и приводятся особые теории, объясняющие сущность конкурсного оспаривания (теория деликта, теория квазиделикта, легальная теория, теория исполнительной силы и др.¹⁸), мы не считаем, что оно обладает какой-либо особой природой, отличной от оспаривания, согласно нормам § 2 гл. 9 ГК РФ.

Последствия недействительности сделок по общим основаниям (ст. 167 ГК РФ) и по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве (ст. 61.6 указанного Закона), являются сходными.

Следовательно, решение поставленных нами вопросов не должно зависеть от оснований, по которым оспорена сделка.

Подводя итог нашей статье, мы не хотели бы формулировать своего окончательного вывода по поставленному вопросу. Подход, основанный на абстрактности традиции, представляется более справедливым, тогда как подход, основанный на каузальности традиции, более соответствует господствующим в российском праве воззрениям.

Нашей задачей было показать, как решение практических вопросов упирается в глубинные проблемы доктринального характера. Надеемся, нам это удалось.

¹⁷ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. М., 2003. С. 341.

Литература

1. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : диссертация кандидата юридических наук / В.В. Байбак. Санкт-Петербург, 2004. 201 с.
2. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) / Х. Коциоль ; перевод К.А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 205–294.
3. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / ответственный редактор А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2018. 944 с.
4. Шапп Я. Система германского гражданского права : учебник / Я. Шапп ; перевод с немецкого С.В. Королева. Москва : Международные отношения, 2006. 360 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 томах. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Статут, 2003. 550 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2020-2-9-15

Судебная неустойка за неисполнение судебного акта: ключевые позиции Верховного Суда РФ

Морхат Петр Мечиславович,

судья Арбитражного суда Московской области,
преподаватель Института повышения квалификации
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
pmorhat@mail.ru

В данной работе автор рассматривает ряд возникших на практике спорных ситуаций, связанных с взысканием судебной неустойки. Автор рассматривает отдельные судебные споры и анализирует позиции Верховного Суда РФ по указанным вопросам.

Ключевые слова: судебная неустойка, судебный акт, исполнение в натуре, принцип справедливости, недобросовестное поведение.

Judicial Fine for Non-Fulfillment of a Judicial Act: Key Positions of the Supreme Court of the Russian Federation

Morkhat Petr M.

Judge of the Commercial Court of the Moscow Region
Lecturer of the Institute for Continuing Education of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
LL.D.

In the publication, the author reviews a number of challenging situations arising in practice in relation to judicial fine collection. The author studies some court disputes and analyzes positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the said issues.

Keywords: judicial fine, judicial act, in-kind performance, principle of justice, bad faith conduct.

В 2015 г. в Гражданском кодексе РФ¹ (далее — ГК РФ) был закреплен новый институт судебной неустойки (ст. 308.3 ГК РФ²). В результате кредиторы получили право взыскивать с должников денежную компенсацию за неисполнение решения суда в натуре. Аналогичная практика длительное время имеет место и в ряде зарубежных правовых систем. В частности, подобный институт успешно применяется во Франции³ (примеча-

тельно, что в российской научной литературе рассматриваемый институт часто называют «астрент», от фр. *astreinte* — штраф). Также норму о судебном штрафе на случай неисполнения судебного акта можно встретить в таких документах, как Кодекс европейского договорного права (European Contract Code)⁴, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 1994 г.⁵ (UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, 1994) и др.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Введена Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 42-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ряд исследователей связывает появление термина «астрент» во французском праве с

решением кассационного суда от 20 марта 1889 г., см.: Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с франц.; под ред. И.Б. Новицкого. М., 1948. С. 360.

⁴ Кодекс европейского договорного права // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Судебная неустойка, с одной стороны, позволяет кредиторам добиться от должника совершения тех или иных требуемых действий (либо воздержаться от каких-либо действий), что, безусловно, имеет важное значение для поддержания стабильности гражданского оборота и соблюдения одного из его ключевых принципов — *pacta sunt servanda* (лат. «договоры должны соблюдаться»).

С другой стороны, судебная неустойка, в отличие от классической неустойки, несет в себе публично-правовую составляющую⁶. Данный институт обеспечивает реализацию конституционных принципов исполнимости и общеобязательности судебного акта. Как указывал Конституционный Суд РФ, исполнение решения суда по смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции РФ⁷, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, следует рассматривать как элемент судебной защиты. Защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется⁸.

Верховный Суд РФ в своих разъяснениях подчеркивал, что «в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре, в том числе предполагающего воздержание должника от совершения определенных действий, а также к исполнению судеб-

ного акта, предусматривающего устранение нарушения права собственности, не связанного с лишением владения (ст. 304 ГК РФ), судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-взыскателя (далее — судебная неустойка)⁹».

На данный момент участники гражданского оборота стали довольно активно прибегать к исследуемой норме, что подтверждается ростом количества судебных актов, в которых суд рассматривал вопрос о взыскании судебной неустойки. При этом на практике возникает немало вопросов, касающихся расчета соответствующей суммы, возможности ее индексации либо снижения, а также определения периода, за который может быть взыскана судебная неустойка. Часть из них удалось снять Верховному Суду РФ в рамках Постановления Пленума ВС № 7. В частности, высшая инстанция четко определила, что денежные обязательства исключаются из числа тех, неисполнение которых может повлечь присуждение судебной неустойки (ранее данный вопрос вызывал споры как в научной среде, так и среди практикующих юристов).

Между тем в дальнейшем стороны сталкивались и с новыми спорными моментами, которые потребовали своего разрешения на уровне высшей судебной инстанции. Рассмотрим ключевые позиции Верховного Суда РФ по вопросам применения судебной неустойки.

Определение размера судебной неустойки

Законодатель не определяет какую-либо методику расчета либо максимальную сумму судебной неустойки. Верховный Суд РФ разъяснял, что суд обязан устанавливать в судебном акте размер и (или) порядок определения судебной неустойки. При этом размер судебной

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 305-ЭС15-9591 по делу № А40-66152/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

⁹ Пункт 28 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление Пленума ВС № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

неустойки должен сделать исполнение судебного решения более выгодным для ответчика, чем его неисполнение¹⁰. Суд определяет сумму судебной неустойки, исходя из особенностей самого должника с тем, чтобы побудить его исполнить судебный акт. При этом имущественное положение взыскателя, размер его убытков и другие аналогичные факторы суд не учитывает.

Итоговая сумма судебной неустойки полностью зависит от дискреции суда, который, безусловно, учитывает те расчеты, которые может приводить сторона в обоснование той или иной суммы, однако не связан ими. Зачастую суды снижают сумму астрента, испрашиваемого заявителем. Между тем, на наш взгляд, на данный момент нельзя считать обоснованной имеющую место позицию о том, что наши суды не готовы к взысканию крупных сумм судебной неустойки. В подтверждение этому можно привести недавнее дело, в котором АС Московского округа постановил взыскать беспрецедентно высокую сумму астрента с банка, который удерживал у себя оригинал исполнительного листа, — 31 828 723 руб. еженедельно по день фактического исполнения судебного акта (что составляло 1% от суммы, подлежащей взысканию на основании исполнительного листа)¹¹. Верховный Суд РФ пока не высказал свою позицию по данному делу. Тем не менее в данном случае четко прослеживается направленность судебного решения на побуждение должника своевременно исполнить судебный акт с учетом особенностей должника (так, очевидно, что для банка будет выгоднее и проще вернуть исполнительный лист, нежели платить крупную сумму судебной неустойки; при этом меньшая сумма астрента с учетом финансового положения банка и общей суммы спорного обязательства не позволяла бы обеспечить реализацию цели рассматриваемого института).

¹⁰ Пункт 32 Постановления Пленума ВС № 7.

¹¹ Постановление АС Московского округа от 6 мая 2019 г. № Ф05-5450/2019 по делу № А40-51715/18 // СПС «КонсультантПлюс».

В научной литературе неоднократно высказывались мнения о необходимости определить методику расчета судебной неустойки. В частности, А.Г. Карапетов полагает, что лучшим решением было бы законодательное введение оборотных штрафов, которые предполагают взыскание некоего процента от суммы выручки компании за определенный период в доход государства¹². Оборотные методики расчета судебной неустойки также поддерживает Д.В. Лоренц¹³.

Кроме того, высказываются мнения о возможности закрепления минимальной и максимальной суммы судебной неустойки (например по аналогии с компенсацией за нарушение исключительных прав). Указанные ограничения, несомненно, могли бы ориентировать суды и задать новый вектор развития судебной практики по данной категории дел. Тем не менее с учетом правовой природы исследуемого института, которая предполагает прежде всего присуждение той суммы, которая будет существенна для конкретного должника, ограничение судебной дискреции в данном случае может сыграть и негативную роль. Возможно, в дальнейшем высшая судебная инстанция либо законодатель конкретизируют вопросы методики расчета судебной неустойки.

Возможность снижения суммы судебной неустойки

Законодатель также не ориентирует суды по вопросу о допустимости снижения размера присужденной судебной неустойки по заявлению ответчика. Верховный Суд РФ указывал, что при наличии обстоятельств, объективно препятствующих исполнению судебного акта о понуждении к исполнению в натуре в установленный судом срок, ответчик вправе подать заявление об отсрочке или

¹² Карапетов А.Г. Перспективы внедрения в российское право института *astreinte* как особого способа обеспечения исполнения судебного решения. (Цит. по: Луценко Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика // Юридический мир. 2016. № 7).

¹³ Лоренц Д.В. Астрент в правовой системе России // Законодательство. 2015. № 9. С. 17.

о рассрочке исполнения судебного акта. В случае удовлетворения требования об отсрочке (рассрочке) исполнения судебного акта суд определяет период, в течение которого судебная неустойка не подлежит начислению. Указанный период исчисляется с момента возникновения обстоятельств, послуживших основанием для отсрочки (рассрочки) исполнения судебного акта, и устанавливается на срок, необходимый для исполнения судебного акта¹⁴. Между тем в данных разъяснениях высшая инстанция не дает однозначного ответа о возможности снижения размера неустойки, в частности, на основании ст. 333 ГК РФ.

В связи с этим интересно следующее дело, которое дошло до рассмотрения Верховного Суда РФ¹⁵. В данном деле акционеры банка (иностранная компания) добились, чтобы суд обязал банк предоставить информацию и заверенные копии документов. Однако банк в течение длительного времени не исполнял решение суда, в связи с чем акционеры обратились в суд с заявлением о взыскании судебной неустойки в следующем порядке:

— с 3 февраля 2015 г. по 7 июля 2015 г. — 200 000 рублей за каждый календарный день;

— с 8 июля 2015 г. по дату фактического исполнения решения суда — 200 000 рублей за каждый календарный день, при этом через каждый месяц просрочки размер неустойки увеличивается на 50 000 рублей.

Суд первой инстанции удовлетворил требования частично, существенно уменьшив сумму неустойки. Суд апелляционной инстанции взыскал неустойку в большем размере, однако она все равно была в разы меньше заявленной. В итоге с банка в пользу акционеров списали астрент в размере 63 350 000 рублей.

Банк обратился в суд с заявлением о снижении размера неустойки, исходя из ставки 3 000 рублей в день.

¹⁴ Пункт 34 Постановления Пленума ВС № 7.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 305-ЭС15-9591 по делу № А40-66152/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Суды первой и кассационной инстанций согласились, что судебная неустойка в присужденном размере не отвечает принципам справедливости и соразмерности, направлена на извлечение иностранными компаниями выгоды. В связи с этим суды снизили размер астрента до 16 792 000 рублей.

Верховный Суд РФ не согласился с позицией нижестоящих судов. Суд подчеркнул, что соразмерность судебной неустойки, в отличие от соразмерности, оцениваемой при снижении неустойки по правилам ст. 333 ГК РФ, определяется исходя из степени сопротивления должника в исполнении обязательства и, соответственно, присуждается в целях преодоления имеющегося сопротивления и побуждения к исполнению. Однако суды не привели доказательства того, что взыскание неустойки с той или иной даты может привести к получению кредиторами необоснованной выгоды, а также недобросовестного поведения иностранных компаний. Кроме того, суды не обосновали взыскание судебной неустойки в размере 3 000 рублей в день.

Суд напомнил, что ранее в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»¹⁶ содержалось разъяснение о допустимости снижения размера денежного присуждения после окончания исполнения решения суда в отношении основного обязательства. Однако данное постановление утратило силу. При этом Постановление Пленума ВС № 7 предусматривает только предоставление отсрочки или рассрочки уплаты судебной неустойки, о которых ответчик не просил.

Тем не менее коллегия указала, что ст. 308.3 ГК РФ, как и любое положение гражданского законодательства, подлежит истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами

¹⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 22 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // СПС «КонсультантПлюс».

гражданского законодательства, закреплёнными в ст. 1 ГК РФ, в силу п. 4 которой, а также п. 5 ст. 10 ГК РФ, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Исходя из общеправового принципа соразмерности ответственности последствиям допущенного нарушения, характерного для всех видов юридической ответственности, суд вправе признать сумму взысканной судебной неустойки несоразмерной и несправедливой. Однако этот вывод должен быть мотивирован.

Таким образом, Верховный Суд РФ потенциально допускает возможность снижения судебной неустойки со ссылкой на общие нормы ГК РФ, что представляется обоснованным. Выступая в качестве меры косвенного принуждения, судебная неустойка должна в первую очередь обеспечивать разумный баланс интересов сторон, но не выступать инструментом неосновательного обогащения кредитора.

Применение судебной неустойки к отношениям, возникшим до вступления в силу ст. 308.3 ГК РФ

Как известно, акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом (ст. 4 ГК РФ).

Федеральный закон № 42-ФЗ закрепляет, что ст. 308.3 ГК РФ применяется к правоотношениям, возникшим после его вступления в силу, либо к правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления в силу закона в рамках ранее возникших правоотношений.

В данном контексте важно отметить позицию Верховного Суда РФ по делу № 37-КГ18-4¹⁷.

В данном деле жители коттеджного поселка через суд требовали понудить

застройщика выполнить работы по проведению инженерных коммуникаций, которые были предусмотрены соответствующими договорами, заключёнными сторонами в 2010–2012 годах.

Суд апелляционной инстанции обязал застройщика выполнить спорные работы. В дальнейшем застройщик добился отсрочки исполнения решения суда до 31 августа 2017 г., сославшись на невозможность исполнения судебного акта ранее указанного срока.

Однако в декабре 2016 г. истцы обратились в суд с заявлением о присуждении судебной неустойки в целях побуждения должника к своевременному исполнению судебного акта.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истцов и взыскал с застройщика судебную неустойку в размере пяти тысяч рублей ежемесячно в пользу каждого из истцов, начиная с момента вступления соответствующего определения суда в законную силу и до момента фактического исполнения судебного акта.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами нижестоящего суда. Суд счёл, что судебная неустойка не может быть применена, поскольку правоотношения сторон вытекают из договоров, заключённых в 2010–2012 годах. На момент их заключения ст. 308.3 ГК РФ ещё не была введена.

Верховный Суд РФ согласился, что ст. 308.3 ГК РФ не применяется к правам и обязанностям сторон, возникшим из договоров, заключённых до момента ее вступления в законную силу (1 июня 2015 г.).

Между тем суд подчеркнул, что в данном случае предметом рассмотрения являлась возможность присуждения судебной неустойки не за неисполнение договора, а за неисполнение публично-правового акта — вступившего в законную силу решения суда. Неисполнение судебного постановления, а равно иное проявление неуважения к суду влечёт за собой ответственность, предусмотренную федеральным законом.

Соответственно, если судебный акт подлежит исполнению после 1 июня 2015 г., то по заявлению кредитора в его

¹⁷ Определение ВС РФ от 11 сентября 2018 г. по делу № 37-КГ18-4 // СПС «Консультант-Плюс».

пользу может быть присуждена судебная неустойка за неисполнение данного судебного решения независимо от того, когда был принят судебный акт.

Таким образом, возможность присуждения судебной неустойки зависит непосредственно от момента исполнения соответствующего судебного акта, но не от даты соглашения, закрепляющего права и обязанности сторон¹⁸.

Порядок присуждения судебной неустойки

По общему правилу судебная неустойка может быть присуждена как одновременно с вынесением судом решения о понуждении к исполнению обязательства в натуре, так и в последующем при его исполнении в рамках исполнительного производства¹⁹. Однако на практике зачастую возникают нестандартные ситуации, касающиеся порядка присуждения астрента.

Так, в одном из дел в результате отсутствия водостока и дренажной системы на соседнем участке здание общества стало подтапливать. Общество обратилось в суд с иском об устранении нарушений прав собственника. Однако в процессе рассмотрения дела между сторонами было утверждено мировое соглашение, по условиям которого ответчик обязался в месячный срок установить организованный водосток с крыши своего здания, а также произвести очистку дренажной системы. Производство по делу было прекращено.

Ответчик не исполнил условия мирового соглашения, поэтому истец обратился в суд, требуя взыскать судебную неустойку.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, поскольку вступившее в законную силу определение суда в срок не исполнено, а доказательств наличия объективных причин невозможности исполнения судебного акта ответчик не представил.

¹⁸ Важно также отметить, что суд не вправе присудить судебную неустойку *sua sponte*. Для этого обязательно необходимо заявление со стороны заинтересованного лица.

¹⁹ Пункт 31 Постановления Пленума ВС № 7.

Суд апелляционной инстанции, установив, что суд первой инстанции рассмотрел спор о взыскании судебной неустойки в порядке искового производства по самостоятельному (отдельному) иску истца, отменил решение суда и прекратил производство по делу. Суд отметил, что в данном случае заявление о взыскании судебной неустойки подлежало рассмотрению в рамках первоначального дела об устранении нарушений прав собственника. Суд округа согласился с апелляционным судом.

Верховный Суд РФ согласился, что заявление о присуждении судебной неустойки, поданное в последующем при исполнении решения, подлежит рассмотрению в рамках первоначального дела, поскольку такое заявление неразрывно связано с основным требованием и вынесенным по результатам его рассмотрения судебным актом. Фактически такая неустойка является составной частью отношений по исполнению судебного акта.

Однако в данном случае заявитель приводил доводы о том, что заявление о взыскании судебной неустойки подано им в рамках первоначального дела. Суд первой инстанции не предпринял мер по рассмотрению заявления в рамках указанного дела. Суды же апелляционной инстанции и округа, прекращая производство, фактически вменили заявителю неправильные действия аппарата суда по регистрации поступившего требования, т.е. незаконно переложили негативные последствия ошибки суда на заявителя, что очевидно нарушает его право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). В связи с этим Верховный Суд РФ направил заявление о взыскании судебной неустойки на новое рассмотрение в рамках первоначального дела²⁰.

Необходимость уплаты государственной пошлины при взыскании судебной неустойки

В одном деле истец заявил требование о взыскании судебной неустойки, поскольку ответчик не исполнил опре-

²⁰ Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2018 г. № 303-ЭС18-9206 по делу № А51-10729/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

деление суда об утверждении мирового соглашения.

Первая инстанция оставила заявление без движения, поскольку заявитель не представил расчет цены иска и квитанцию об оплате госпошлины. В дальнейшем суд вернул заявление на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ, поскольку заявитель не устранил допущенное нарушение. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами нижестоящего суда.

Верховный Суд РФ указал, что требование уплатить госпошлину при подаче заявления о присуждении судебной неустойки неправомерно, поскольку обязанность уплаты пошлины лежит на истце при подаче искового заявления (ст. 132 ГПК РФ), а заявление о присуждении судебной неустойки таковым не является.

На основании ч. 4 ст. 1 ГПК РФ в случае отсутствия нормы процессуального права, регулиющей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют, исходя из принципов осуществления правосудия в РФ (аналогия права). Исходя из этого, заявление о присуждении судебной неустойки подлежало рассмотрению применительно к правилам, установленным ч. 1 ст. 203 ГПК РФ, не предполагающей уплаты госпошлины²¹.

²¹ Определение Верховного Суда РФ от 6 марта 2018 г. по делу № 70-КГ17-20 // СПС «КонсультантПлюс».

Представляется, что данный подход является обоснованным и подлежит применению также в рамках рассмотрения дел, в которых астрент изначально указан в исковом заявлении. В противном случае на ответчика (который, возможно, добровольно и своевременно исполнит судебный акт) будут неправомерно отнесены расходы по уплате госпошлины пропорционально размеру удовлетворенных требований.

Таким образом, имплементацию института судебной неустойки (астрента) в российское законодательство можно признать своевременной и позитивной мерой, которая позволяет хотя бы частично решить проблему неисполнения судебных актов, что, в свою очередь, повышает эффективность правосудия и авторитет судебной власти в обществе. Между тем применение данного института, как и любого нововведения, не лишено определенных шероховатостей. Некоторые вопросы уже решены и решаются в рамках отдельных споров на уровне высшей судебной инстанции. Тем не менее по мере наработки соответствующей практики будут возникать и новые вопросы, которые потребуют своего разрешения. В частности, это очевидно касается вопроса определения суммы и расчета судебной неустойки, поскольку на данный момент у судов имеются лишь довольно общие ориентиры по ее определению, что порождает почву для злоупотреблений со стороны заявителей.

Литература

1. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ ; перевод с французского ; под редакцией И.Б. Новицкого. Москва : Юрическое изд-во, 1948. 512 с.
2. Карапетов А.Г. Перспективы внедрения в российское право института *astreinte* как особого способа обеспечения исполнения судебного решения / А.Г. Карапетов. (Цит. по: Луценко Е.С. Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и юридическая практика / Е.С. Луценко // Юридический мир. 2016. № 7. С. 57–60.)
3. Лоренц Д.В. Астрент в правовой системе России / Д.В. Лоренц // Законодательство. 2015. № 9. С. 13–21.

Некоторые проблемы рассмотрения дел о наследовании выморочного имущества

Плотников Дмитрий Александрович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Вятского государственного университета,
доцент кафедры юридических дисциплин
Кировского филиала (института) Московского
гуманитарно-экономического университета,
кандидат юридических наук
plotnikowprawo@yandex.ru

Усцов Данил Константинович,
юрист общества с ограниченной ответственностью «Стратег»
mobile-war1@mail.ru

В данной статье рассматриваются с доктринальной и практической сторон проблемы в сфере наследования выморочного имущества. Отсутствие согласования между материальными и процессуальными аспектами, а также наличие разнообразной судебной практики свидетельствуют о необходимости приведения наследственного законодательства к единообразию. Актуализирована потребность регламентации единой процедуры наследования выморочного имущества. Выявлены иные виды выморочного имущества, предложены пути решения проблем.

Ключевые слова: выморочное имущество, государство, наследство, гражданский процесс.

Some Issues of Review of Cases on Inheritance of Escheated Property

Plotnikov Dmitriy A.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Vyatka State University
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
of the Kirov Branch (Institute) of the Moscow Humanitarian Economic University
PhD (Law)

Ustsov Danil K.

Lawyer of Strateg LLC

This article deals with the doctrinal and practical aspects of the problem of inheritance of escheated property. The lack of coordination between the material and procedural aspects, as well as the presence of a variety of judicial practice, indicate the need to bring inheritance legislation to uniformity. The need to regulate a single inheritance of escheated property has been updated. Other types of escheated property have been identified, and ways to solve problems have been proposed.

Keywords: escheat, state, inheritance, civil procedure.

Традиционным в доктрине гражданского процессуального права выступает вопрос исследования отдельных категорий гражданско-правовых споров. Необходимость данного направления обусловлена спецификой материально-правового регулирования. Она состоит в том, что суды, разрешая споры, ориентируются на нормы не процессуального права, а на материально-правовые, которые, в свою очередь, определяют сущность, предмет доказывания и особенности распределения бремени доказывания. К числу таких дел с уверенностью можно отнести споры в области наследования выморочного имущества.

Материально-правовой проблемой, вызывающей сложности в ходе рассмотрения дел о наследовании выморочного имущества, является то, что законодатель презюмирует исключение каких-либо споров в сфере наследования выморочного имущества, так как публично-правовые образования выступают последними по очереди наследниками. Однако проведенный выборочный анализ судебной практики доказывает обратное. В связи с этим возникает необходимость изучения вопроса о рассмотрении дел, связанных с наследованием выморочного имущества, на доктринальном и практическом уровнях.

Анализ научных работ¹ позволяет прийти к выводу о том, что к числу основных вопросов относятся: анализ наследования имущества по закону или по завещанию в целом, толкование норм при рассмотрении дел о наследовании, выявление правовой природы выморочного имущества и т.д. В частности, Котухова М.В. анализирует в первую очередь проблемы материально-правового характера по приобретению выморочного имущества Российской Федерацией, в частности, определение правовой природы выморочного имущества из-за недостаточной разработанности законодательства. В монографии Хаскельберга Б.Л. и Ровного В.В.² исследуются общие положения о переходе выморочного наследства и приобретению выморочного наследства, в том числе на основе исторического и сравнительно-правового анализа, а также анализируется правовая природа выморочного имущества. В контексте анализа норм о приобретении наследства Хаскельберг Б.Л. и Ровный В.В. определяют особенности перехода выморочного имущества. Главный вопрос исследования, на наш взгляд, — это материально-правовая природа понятий «переход выморочного наследства» и «приобретение выморочного наследства», которые не являются равнозначными. С.В. Ивакин³ видит одной из основных проблем определение иного срока принятия выморочного имущества. Однако на настоящий момент монографических исследований гражданских процессуальных

аспектов в наследовании выморочного имущества, которые могли бы отражать реалии сегодняшних дней, нет.

Таким образом, вышеуказанные авторы в целом изучают вопросы по изучению наследственных споров с доктринальной стороны, не рассматривая их с процессуальной точки зрения. Данный факт выступает предпосылкой для дальнейших исследований выбранной темы в рамках гражданской процессуальной науки.

Государство как организация публичной власти традиционно обеспечивает удовлетворение необходимых для общества потребностей. Несомненно, выполнение целей и задач конкретного государства подразумевает вложение определенных материальных средств. Наследование выморочного имущества в Российской Федерации — один из универсальных механизмов пополнения бюджетов и казны различных уровней. Однако цель данного механизма целесообразно рассматривать в двух аспектах.

Первое — это непосредственная реализация выморочного имущества (обращение в денежную форму), пополнение бюджета соответствующего уровня бюджетной системы РФ. Второе, вытекающее из предыдущего, — обеспечение оборотоспособности объектов гражданских прав, подлежащих переходу по наследованию в пользу государства.

Приведенные доводы, на наш взгляд, актуализируют правовое регулирование наследования выморочного имущества.

Подходя к дискуссиям о «грамотном» правовом регулировании наследования выморочного имущества, следует обратить внимание на такую категорию, как «правильный» предмет спора.

Под предметом спора понимается тот или иной объем материально-правовых требований истца к ответчику, представляющих собой способ защиты права. Пункт 2 ст. 1151 ГК РФ⁴ содержит исчерпывающий перечень такого выморочного имущества, которое переходит в собственность Российской Федерации или же муниципального образования. В частности, к такому имуществу относятся жилое помещение, земельный участок с располагающимися на нем

¹ Янева Р.Р. Особенности рассмотрения судами дел, связанных с наследованием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с. ; Магомедова З.И. Судебное толкование норм российского права при рассмотрении судами общей юрисдикции наследственных споров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с. ; Котухова М.В. Гражданско-правовое регулирование отношений с выморочным имуществом в наследственном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с. ; Бейн А.К. Наследование выморочного имущества в Российской Федерации: историко-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2. С. 87–94.

² Хаскельберг Б.Л., Ровный В.В. Переход выморочного наследства к публичному образованию // Наследственное право. 2012. № 1. С. 33–41 ; № 2. С. 31–37 ; № 3. С. 29–37 ; № 4. С. 29–37.

³ Ивакин С.В. Институт выморочного имущества в России: проблемы и перспективы // Научный журнал NovaInfo.ru. 2016. № 57-4. С. 313.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

зданиями и сооружениями, иными сооружениями, а также доли в праве общей долевой собственности.

Объекты, расположенные на территории городов федерального значения, переходят в собственность этого города (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь). Иное выморочное имущество переходит в собственность Российской Федерации в порядке наследования. Однако открытым остается вопрос о наличии в нормах п. 2 ст. 1151 ГК РФ положений о переходе имущества на праве собственности субъектов РФ. Такой нормы не закреплено в ГК РФ. Однако субъекты Российской Федерации по правовому статусу равны, и средства его бюджета являются неотъемлемой составляющей бюджетной системы России (ст. 10 БК РФ⁵), что представляет собой, на наш взгляд, упущение законодателя.

Наличие объектов в нормах ГК РФ, которые могут являться выморочным имуществом, не может быть исчерпывающим.

Так, рассматривая земельные правоотношения, Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»⁶ (далее — Федеральный закон № 101-ФЗ) регулирует порядок обращения категории недвижимого имущества как «невостребованные земельные доли». По мнению Плотникова Д.А., «невостребованные земельные доли — это фактически обезличенная собственность на землю»⁷. С суждением невозможно не согласиться, поскольку оно отражает отсутствие фактического владения и пользования таким земельным участком.

Федеральный закон № 101-ФЗ закрепляет две разновидности невостребованных долей после внесения изменений в 2016 г. Первая разновидность — это земельная доля, которая не использова-

лась по своему назначению в течение трех лет подряд.

Вторая — земельная доля, сведений о собственнике которой не содержится в решениях органов местного самоуправления о приватизации сельскохозяйственных угодий (до дня вступления в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁸), или ставшая, условно говоря, «выморочной», поскольку она подпадает под все требования ст. 1151 ГК РФ. При таких условиях логично судить о таком новом виде выморочного имущества, как «невостребованные земельные доли», но лишь в том случае, если речь идет о переходе прав собственности в порядке наследования. Принципиальных отличий и противоречий с положениями ГК РФ не имеется. Однако, по замечанию Румянцев Ф.П., «в субъектах Федерации складывается двойственная практика по признанию невостребованных земельных долей муниципальной или государственной собственностью. Даже в границах одного субъекта Федерации суды в одних муниципальных образованиях принимают решения по передаче невостребованных земельных долей в муниципальную, в других — в государственную собственность»⁹.

Но тем не менее такая специфическая категория имеет главную особенность — это обязательная процедура признания такой доли невостребованной органом местного самоуправления. Земельные доли подлежат учету и публикации в средствах массовой информации. Крут субъектов при определении имущества выморочным значительно шире, что нашло отражение и в п. 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9¹⁰.

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о наличии спорных ситуаций, характеризующих процессуальную

⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 06.06.2019) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Плотников Д.А. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел о признании права собственности на невостребованные доли в колхозах в порядке наследования // Вестник МОСИ. 2015. № 2. С. 178.

⁸ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.01.2020) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Румянцев Ф.П. Невостребованные земельные доли как выморочное имущество, проблемы наследования в публичную собственность // Нотариус. 2018. № 3. С. 40.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 23.04.2019) «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

неопределенность при установлении правового режима выморочного имущества. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27 февраля 2019 г.¹¹ иллюстрирует ситуацию, когда движимое выморочное имущество не может быть признано таковым уполномоченным органом и не принято на баланс Российской Федерации. Речь идет об иске администрации г. Нижний Тагил к Территориальному управлению Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) по Свердловской области о возложении обязанности принять выморочное имущество, поскольку не установлено, что ценное движимое имущество умершего, оставшееся в квартире, действительно являлось его собственностью. Нотариус отказал в выдаче свидетельства права на наследство, что послужило весомым доводом Территориального управления Росимущества не принять данное имущество. Известны и в практике также случаи отказа в выдаче свидетельства о переходе наследственной массы в собственность государства по причине отсутствия доказательств, которые могли бы подтвердить «выморочность» имущества¹², что закрепляет позицию судов по этому вопросу.

Применительно к процедуре выдачи свидетельства о праве на наследство уполномоченному органу аналогичная практика сложилась и в Саратове. Саратовский областной суд оставил без изменения решение, апелляционную жалобу нижестоящей инстанции — без удовлетворения¹³. Суть спора сводится к тому, что администрация муниципального образования просила признать право собственности за собой на недвижимое выморочное имущество. В основу апелляционного определения легла ошибочная процедура определения права собственности на выморочное имущество — непосредственное обращение в суд с требованиями о признании права, к нотариусу данный орган муниципальной власти не обратился.

Справедливости ради следует учитывать, что «обязательная» для судебной практики процедура нотариального оформления прав на выморочное имущество не согласуется с нормами гражданского права. Особенность наследования выморочного имущества состоит в том, что принятие этого наследства не требуется (п. 1 ст. 1152 ГК РФ), а с другой стороны, отказ от него не допускается (п. 1 ст. 1157 ГК РФ).

Вместе с тем свидетельство о праве на наследство в отношении выморочного имущества выдается в общем порядке по заявлению наследника (п. 1 ст. 1162 ГК РФ). Как указано в решении¹⁴, свидетельство о праве на наследство является доказательством возникновения наличия права на наследство.

Аналогичная ситуация возникает и в случае, если доля в хозяйственном обществе никем не наследуется и попытки к ее принятию не принимаются. Без предъявления свидетельства о праве на наследство общество не способно передать долю. Изучение судебной практики¹⁵ показало, что если наследники умершего владельца доли в уставном капитале в хозяйственное общество не обращаются с заявлением или требованием и общество не располагает сведениями о принятии наследства, а регистрирующий орган не принимает мер по получению свидетельства о праве на долю как выморочного имущества, то принятие обществом решения о передаче доли на баланс общества является единственно возможным способом защиты гражданских прав (самозащита).

Таким образом, следует еще раз акцентировать внимание на том факте, что при наследовании выморочного имущества нередко возникают споры в рамках гражданского судопроизводства. Указанный факт следует из анализа судебной практики и неясности в доктринальном толковании.

Возможным решением некоторых проблем предлагаем следующие меры по совершенствованию российского законодательства в сфере наследования выморочного имущества:

¹¹ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27 февраля 2019 г. по делу № 33-3176/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Решение Серпуховского федерального городского суда Московской области от 26 октября 2006 г. № 1640-06 // СПС «Гарант».

¹³ Апелляционное определение Саратовского областного суда от 23 мая 2012 г. по делу № 33-2679 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Постановление ФАС Уральского округа от 18 марта 2008 г. № Ф09-1687/08-С4 по делу № А47-8685/2007-АК-26 // СПС «КонсультантПлюс».

— дела о наследовании выморочного имущества не следует рассматривать как бесспорные, а поэтому они должны рассматриваться исключительно как дела искового производства;

— закрепление обязательного участия прокурора по делам о наследовании дел выморочного имущества, так как необходима проверка соблюдения прав наследников, которые не приняли наследство, но своими действиями фактически изъявили волю на принятие наследства;

— введение до сих пор не принятого федерального закона, регламентирующего наследование выморочного имущества в Российской Федерации;

— расширение перечня видов выморочного имущества в п. 2 ст. 1151 ГК РФ, закрепление такого вида, как «невыстребованные (выморочные) земельные доли». Включение такого вида обосновывается спецификой объекта. Его правовой режим определен другим федеральным законом, а поэтому имеет ряд своих особенностей: отнесение к земельным участкам сельскохозяйственного назначения, отсутствие сведений о собственнике. Добавление в перечень послужит исключением из общего правила наследования земельных участков

или его долей в пользу муниципального образования;

— закрепление возможности перехода выморочного имущества в собственность субъектов РФ. Данный подход обусловлен тем, что в настоящее время имеет место разграничение перечня имущества, которое может находиться на балансе Российской Федерации и субъектов РФ. В связи с этим, если в составе выморочного имущества окажется один из объектов, подпадающий под действие ст. 26.11 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁶, то указанное имущество должно наследоваться соответствующим субъектом РФ;

— принятие отдельного Постановления Пленума Верховного Суда РФ по особенностям наследования выморочного имущества.

¹⁶ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бейн А.К. Наследование выморочного имущества в Российской Федерации: историко-правовой аспект / А.К. Бейн // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2. С. 87–94.
2. Ивакин С.В. Институт выморочного имущества в России: проблемы и перспективы / С.В. Ивакин // Научный журнал NovaInfo.ru. 2016. Т. 4. № 57. С. 311–314.
3. Котухова М.В. Гражданско-правовое регулирование отношений с выморочным имуществом в наследственном праве Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / М.В. Котухова. Москва, 2007. 25 с.
4. Магомедова З.И. Судебное толкование норм российского права при рассмотрении судами общей юрисдикции наследственных споров : автореферат диссертации кандидата юридических наук / З.И. Магомедова. Москва, 2010. 25 с.
5. Плотников Д.А. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел о признании права собственности на невыстребованные доли в колхозах в порядке наследования / Д.А. Плотников // Вестник МОСИ. 2015. № 2. С. 178–184.
6. Румянцев Ф.П. Невыстребованные земельные доли как выморочное имущество, проблемы наследования в публичную собственность / Ф.П. Румянцев // Нотариус. 2018. № 3. С. 39–41.
7. Хаскельберг Б.Л. Переход выморочного наследства к публичному образованию / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. 2012. № 1. С. 33–41.
8. Хаскельберг Б.Л. Переход выморочного наследства к публичному образованию / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. 2012. № 2. С. 31–37.
9. Хаскельберг Б.Л. Переход выморочного наследства к публичному образованию / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. 2012. № 3. С. 29–37.
10. Хаскельберг Б.Л. Переход выморочного наследства к публичному образованию / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. 2012. № 4. С. 29–37.
11. Янева Р.Р. Особенности рассмотрения судами дел, связанных с наследованием: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Р.Р. Янева. Москва, 2009. 25 с.

Принцип непосредственного исследования доказательств в гражданском судопроизводстве

Салманидина Александра Сергеевна,
аспирант кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
alexasal94@mail.ru

Непосредственное исследование доказательств автором предлагается рассматривать в качестве принципа доказывания гражданского судопроизводства, регулирующего деятельность участников процесса по установлению обстоятельств дела. Проводятся раскрытие и толкование сущности указанного принципа, изучается его практическая реализация. В статье выделяются субъекты гражданского судопроизводства, принимающие участие в исследовании доказательств, анализируются порядок и проблемы непосредственного исследования отдельных видов доказательств, рассматриваются возможные способы злоупотребления своими процессуальными правами лицами, участвующими в деле, которые препятствуют непосредственному исследованию доказательств. В связи с развитием современного гражданского судопроизводства и на основании изученного материала предлагается внесение изменений в нормы, регулирующие правила о непосредственном исследовании доказательств.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, непосредственность судебного разбирательства, доказывание, принцип, непосредственное исследование доказательств.

The Principle of Direct Examination of Evidence in Civil Proceedings

Salmanidina Aleksandra S.
Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy

The author suggests viewing direct examination of evidence as a principle of proving in civil proceedings regulating the establishment of case circumstances by process participants. Description and interpretation of the essence of the indicated principle are given, its practical implementation is studied. The article singles out subjects of civil proceedings taking part in examination of evidence, analyzes the procedure and issues of direct examination of some evidence types, reviews possible means of abuse of procedural rights by parties to the case hindering direct examination of evidence. In view of the development of modern civil proceedings and based on the reviewed files, the author suggests amending the provisions regulating the rules for direct examination of evidence.

Keywords: civil proceedings, directness of judicial examination, proving, principle, direct examination of evidence.

Исследование доказательств — стадия доказывания, состоящая из последовательных процессуальных действий, направленных на изучение представленных в суд доказательств посредством использования предусмотренных законом способов, совершаемых при соблюдении правила непосредственности.

По мнению М.К. Треушникова, исследование доказательств состоит в восприятии судом фактических данных, выяснении условий сохранения информации, факторов, влияющих на достоверность доказательств, в сопоставлении, сравнении отдельных доказательств, ликвидации между ними противоречий. В этом элементе судебного доказывания

переплетаются логические, эмпирические и процессуальные операции¹.

Традиционно в науке и судебной практике непосредственное исследование доказательств относится к принципам судебного разбирательства. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в одном из определений указывает, что в силу ст. 157 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации²

¹ См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004. С. 45.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; СЗ РФ. 2019. № 42 (часть II). Ст. 5808.

(далее — ГПК РФ) одним из основных принципов судебного разбирательства является его непосредственность, решение может быть основано только на доказательствах, исследованных судом первой инстанции в судебном заседании.

В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»³, при вынесении судебного решения недопустимо основываться на доказательствах, не исследованных судом в соответствии с нормами ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации непосредственность судебного разбирательства относит к принципу гражданского процесса, методу исследования доказательств судом, который является правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения. Он заключается в том, что суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах⁴.

Требование непосредственности судебного разбирательства устанавливается в целях создания условий для полного, всестороннего и объективного исследования доказательств, формирования внутреннего убеждения суда относительно допустимости, относимости, достоверности, достаточности доказательств, их взаимной связи, способности подтвердить или опровергнуть требования и возражения сторон.

Принцип непосредственности судебного разбирательства в ст. 6, 13 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС РФ) закреплен в виде отдельной

общей нормы, которая обязывает суд при рассмотрении административного дела непосредственно исследовать все доказательства по административному делу. При этом, согласно ст. 6 КАС РФ, непосредственность судебного разбирательства является принципом всего административного судопроизводства⁵.

В ГПК РФ обозначенный принцип не регламентирован в виде общего принципа гражданского судопроизводства, он упоминается в ч. 1 ст. 157 ГПК РФ как обязанность суда непосредственно исследовать доказательства в судебном разбирательстве, в ч. 1 ст. 67 ГПК РФ в качестве правила оценки доказательств судом.

Вместе с тем в целях наиболее комплексного изучения доказательственной деятельности, а также вследствие того, что обозначенное правило исследования доказательств имеет значение и реализуется исключительно в пределах института доказывания, непосредственное исследование доказательств следует рассматривать как принцип доказывания гражданского судопроизводства.

При рассмотрении обозначенного правила в качестве принципа доказывания следует определить субъектов его реализации. Исходя из анализа положений ГПК РФ, субъектами исследования доказательств являются не только суд, но и лица, участвующие в деле. Согласно части 1 ст. 35 ГПК РФ, для лиц, участвующих в деле, исследование доказательств является правом. На суд же гражданское процессуальное законодательство возлагает обязанность непосредственно исследовать доказательства по делу (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ). В указанной правовой норме раскрываются способы исследования доказательств — заслушивание объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, заключений экспертов, консультаций и пояснений специалистов, ознакомление с письменными доказательствами, осмотр вещественных доказательств, прослушивание аудио-

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2019 г. № 21-КГ18-13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4099.

записи и просмотр видеозаписи. Согласно части 1 ст. 67 ГПК РФ, на основе непосредственного исследования доказательств судом осуществляется их оценка. Кроме того, суд в силу ст. 175 ГПК РФ после заслушивания объяснений лиц, участвующих в деле, учитывая их мнения, устанавливает последовательность исследования доказательств. Принимая во внимание тот факт, что требование о непосредственности исследования доказательств предъявляется исключительно суду, именно он является единственным субъектом реализации обозначенного в статье принципа доказывания.

В ГПК РФ для каждого доказательства в отдельности устанавливаются особенности их исследования. Например исследование объяснений лиц, участвующих в деле (ст. 174 ГПК РФ), показаний свидетелей (ст. 177, 179, 180 ГПК РФ), письменных доказательств (ст. 181 ГПК РФ), вещественных доказательств (ст. 183 ГПК РФ), аудио- или видеозаписи (ст. 185 ГПК РФ), заключения эксперта (ст. 187 ГПК РФ), консультации специалиста (ст. 188 ГПК РФ).

Законом установлены два случая, при которых исследование доказательств осуществляется с отдельными исключениями: обеспечение доказательств и судебные поручения. Вопреки тому, что доказательства, полученные путем обеспечения доказательств и направления судебных поручений, исследуются с некоторыми особенностями, действие принципа непосредственного исследования доказательств также сохраняется. К примеру, если собирание доказательств осуществлялось путем направления судебного поручения, непосредственность восприятия доказательств обеспечивается посредством ознакомления судей и лиц, участвующих в деле, с его результатами, зафиксированными в соответствующих документах.

Принцип непосредственного исследования доказательств не должен нарушаться и при осуществлении процессуальных действий вне зала судебного заседания — например при осмотре доказательств на месте. В этом случае все процессуальные действия осуществляются

тем же судьей, который рассматривает дело (ст. 184 ГПК РФ)⁶.

По мере развития информационных технологий и внедрения их в гражданское судопроизводство одной из популярных форм заслушивания доказательств становится видео-конференц-связь. Согласно статье 155.1. ГПК РФ, при наличии в судах технической возможности осуществления видео-конференц-связи лица, участвующие в деле, их представители, а также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом или по инициативе суда. Исходя из содержания ст. 157 ГПК РФ и других вышеуказанных норм, регулирующих правила исследования отдельных видов доказательств, посредством видео-конференц-связи могут быть заслушаны объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, пояснения эксперта, консультации специалиста. Не найти в ГПК РФ нормы, предусматривающей возможность с помощью видео-конференц-связи заслушивать заключения прокурора и органа государственной власти, органа местного самоуправления. При этом однозначно из содержания ст. 155.1. ГПК РФ можно сказать, что в случае вступления их в процесс в роли лиц, участвующих в деле, они вправе участвовать в судебном заседании и давать объяснения путем использования систем видео-конференц-связи, несмотря на отсутствие детализации об этом в других нормах. В этой связи не совсем понятно, что в ст. 155.1. ГПК РФ подразумевается под «участием». Распространяется ли указанное правило на заслушивание через видео-конференц-связь заключений прокурора, органов государственной власти, местного самоуправления?

Стоит заметить определенную нелогичность и отсутствие системности в изложении правил применения видео-конференц-связи при исследовании

⁶ См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Л. В. Тумановой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 279.

доказательства. Так, допустимость использования видео-конференц-связи при заслушивании объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей содержится в ст. 55 ГПК РФ, закрепляющей понятие доказательств и средства, из которых они могут быть получены. Консультации специалиста и пояснения эксперта, в свою очередь, регламентированы в отдельных нормах, регулирующих порядок исследования конкретного доказательства. Исследование посредством видео-конференц-связи объяснений прокурора, органов государственной власти и местного самоуправления, вступивших в процесс, подав заявление в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц или с целью дачи заключения, вообще не конкретизированы ни в одной статье.

Предлагаем обратиться к зарубежному опыту регулирования обозначенного вопроса. Неплохо правила о применении видео-конференц-связи регламентированы в ст. 186 «Непосредственность и устность судебного разбирательства» ГПК Республики Казахстан, согласно которой заслушивание объяснений сторон, других лиц, участвующих в деле, показаний свидетелей, заключений экспертов, заключений государственных органов и органов местного самоуправления может осуществляться судом посредством видео-конференц-связи⁷.

Применение видео-конференц-связи при исследовании доказательств, безусловно, способствует экономии времени, повышению доступности правосудия, сокращению финансовых расходов. Вопреки всем перечисленным преимуществам имеются некоторые проблемные моменты восприятия информации, представляемой в суд посредством видео-конференц-связи. Это, прежде всего, отсутствие визуального контакта между судом и лицом, представляющим сведения, которые имеют значение для разрешения дела. Во-первых, суд, используя видео-конференц-связь, при исследовании доказательств не может

в полной мере быть уверенным в дееспособности лица, в отсутствии у него каких-либо отклонений. Во-вторых, при получении информации от участников процесса подобным образом имеется опасность, что суд не заметит наличие психологического и (или) физического давления со стороны на лицо, представляющее объяснения, показания.

Неисполнение судом обязанности непосредственного исследования доказательства по делу квалифицируется на практике в качестве нарушения процессуальных норм со всеми вытекающими из этого последствиями. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение Московского городского суда ввиду нарушения правила непосредственного исследования доказательств, поскольку судебные инстанции, приняв показания свидетеля по другому делу, уклонились от непосредственного допроса этого свидетеля⁸.

Также Верховным Судом Российской Федерации в Определении от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67 был сделан вывод, что суд, рассматривая дело, не просмотрел ни одной видеозаписи, представленной для исследования ответчиком в подтверждение своих доводов, ограничившись внешним изучением дисков (носителей информации), на которых была записана информация. Суд заменил личное восприятие исследуемых первоначальных доказательств и их собственную оценку оценкой производных доказательств, т.е. экспертных заключений, которые в силу прямого указания закона (ч. 3 ст. 86 ГПК РФ) для суда не обязательны и не могут являться исключительным средством доказывания.

Между тем из смысла ч. 3 ст. 185 ГПК РФ не следует, что назначение по делу в необходимых случаях экспертизы освобождает суд от обязанности соблюдать установленный нормами ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 157 ГПК РФ принцип непосредственного исследования доказательств как один из основных принципов,

⁷ См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК. URL: https://kodeksy-kz.com/ka/grazhdanskij_protseussualnyj_kodeks/186.htm (дата обращения: 04.12.2019).

⁸ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 5-КГ17-32 // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечивающих вынесение законного решения по делу. Судом не был соблюден принцип непосредственного исследования видеозаписей как доказательств по делу, а основой решения послужило лишь производное доказательство (экспертное заключение)⁹.

При анализе обозначенного определения Верховного Суда Российской Федерации необходимо отметить, что ответчиком для исследования суду были представлены 283 диска с видеозаписями программы. Во исполнение принципа непосредственного исследования доказательств суду необходимо просмотреть все видеозаписи. Однако при указанном количестве доказательств у суда отсутствует реальная возможность просмотреть все видеозаписи в силу ограниченного срока рассмотрения дела. Подобным образом лица, участвующие в деле, имеют реальную возможность злоупотреблять своим правом, создавая тем самым препятствия суду непосредственно исследовать доказательства и добываясь такими действиями отмены вынесенных решений по делу.

Обозначенная ситуация также приводит к мысли о том, что гражданским процессуальным законодательством не определен перечень носителей электронной информации, которые участники процесса вправе представлять суду для исследования. В связи с чем существует вероятность проявления с их стороны злоупотребления своим правом путем представления в суд таких информационных носителей (виниловые пластинки, кассеты), исследование которых представляется суду затруднительным вследствие отсутствия в суде, например, считывающего устройства (проигрыватель пластинок, магнитофон). Суд же не вправе отказать в исследовании доказательств по причине отсутствия считывающего устройства.

Практика нарушения правила непосредственного исследования доказательств имеется и в арбитражном суде. Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской

Федерации в Определении от 23 июля 2018 г. № 305-ЭС18-3009 обозначается, что, вопреки требованиям ст. 71 АПК РФ, п. 3 ст. 71 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰, п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»¹¹, обстоятельства, связанные с источником наличия у лица денежных средств, оставлены судами без внимания. Однако, по мнению судебной коллегии, другой стороной дела заявлены разумные возражения. Доводы об источниках дохода для приобретения спорных объектов недвижимости имели существенное значение для разрешения спора и требовали исследования в судебном заседании.

Для подтверждения этих обстоятельств в суде заявлялись ходатайства об истребовании документов о доходах стороны и допросе свидетеля. Ходатайства удовлетворены не были без достаточных на то оснований. При этом в нарушение п. 1 и 5 ст. 71 АПК РФ¹² о непосредственном исследовании доказательств и отсутствии у них заранее установленной силы предполагаемые показания свидетеля были оценены судом как недопустимые без допроса этого свидетеля¹³.

В современном гражданском судопроизводстве правильнее использовать не термин «непосредственность судебного разбирательства», а «непосредственное исследование доказательств» — вследствие того, что значи-

¹⁰ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 305-ЭС18-3009 по делу № А40-235730/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 5-В10-67 // СПС «КонсультантПлюс».

тельное количество гражданских дел рассматривается по правилам приказного либо упрощенного производства, одной из особенностей которых является отсутствие проведения судебного заседания. Суд при рассмотрении дела в упрощенном порядке лишается какой-либо возможности применять такие формы исследования доказательств, как заслушивание в судебном заседании объяснений лиц, участвующих в деле, показаний свидетелей, заключений экспертов, консультаций и показаний специалистов. Несмотря на это, нельзя говорить об ограниченном действии принципа непосредственного исследования доказательств при рассмотрении гражданского дела посредством приказного или упрощенного производства, так как обозначенные ограничения сами по себе не исключают обязанности суда и право лиц, участвующих в деле, непосредственно исследовать доказательства по делу.

В данном вопросе интересным для изучения представляется гражданское процессуальное законодательство Республики Казахстан (ст. 186 ГПК РК), устанавливающее обязанность непосредственно исследовать доказательства путем заслушивания объяснений сторон и других лиц, участвующих в деле, показаний свидетелей, заключений экспертов, заключений государственных органов и органов местного самоуправления, при этом исключая дела, рассматриваемые в порядке упрощенного (письменного) производства. Ознакомление с документами, осмотр вещественных доказательств, прослушивание звукозаписи и просмотр видеозаписи, кино-, фото-материалы, ознакомление с материалами иных средств преобразования информации используются судом и при рассмотрении дел в порядке упрощенного (письменного) производства¹⁴.

¹⁴ См.: Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗПК. URL: <https://kodeksy-kz.com/>

Литература

1. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общей редакцией Л.В. Тумановой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2018. 800 с.
2. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. Москва : Городец, 2004. 272 с.

Правилами исследования доказательств «пронизан» весь институт доказания, что еще раз подчеркивает значимость исследуемого в статье принципа, регулирующего деятельность суда по исследованию доказательств по делу. Для систематизации доказательственной деятельности, устранения неточностей в регулировании порядка исследования доказательств, представляется целесообразным следующее.

В связи с тем, что значительное количество гражданских дел рассматривается судом посредством приказного и упрощенного производства, исследуя при этом доказательства без проведения судебных заседаний, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в норму о непосредственности судебного разбирательства, заменив ее правилом о непосредственном исследовании доказательств.

В целях недопущения участниками процесса злоупотреблений своими процессуальными правами, которыми могут создаваться препятствия в исследовании судом доказательств, в ГПК РФ следует предусмотреть перечень носителей электронной информации, которые вправе предъявлять участники процесса для исследования в суд.

В связи с развитием информационных технологий и для систематизации норм о возможности использования видео-конференц-связи в качестве формы исследования доказательств предлагается включить в ст. 157 ГПК РФ общее правило, что заслушивание в судебном заседании объяснений лиц, участвующих в деле, показаний свидетелей, заключений экспертов, консультаций, показаний специалистов, заключений прокурора, органов государственной власти и местного самоуправления может осуществляться судом посредством видео-конференц-связи.

[ka/grazhdanskij_protseessualnyj_kodeks/186.htm](https://kodeksy-kz.com/ka/grazhdanskij_protseessualnyj_kodeks/186.htm)
(дата обращения: 04.12.2019).

Проверка показаний на месте: криминалистический анализ следственного действия, этические аспекты уголовно- процессуальной деятельности проверки и оценки данного доказательства

Арсентьева Светлана Степановна,

доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности
Института права Челябинского государственного университета (ЧелГУ),
кандидат юридических наук
a763tx@mail.ru

Савченко Анатолий Николаевич,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права филиала
Российского государственного университета правосудия,
судья в отставке
avtor@lawinfo.ru

В статье исследуются криминалистический анализ производства проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ), особенности производства проверки показаний на месте как следственного действия, судебная практика оценки данного доказательства с точки зрения достоверности, нравственные основы проверки и оценки показаний на месте.

Ключевые слова: судебная этика, способ исследования доказательств, следственное действие, проверка показаний на месте, установление новых обстоятельств, правила оценки доказательства.

Verification of Testimony on Site: A Criminalistic Analysis of an Investigative Action, Ethical Aspects of Criminal Procedure Verification and Evaluation of Such Evidence

Arsentyeva Svetlana S.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Expert Activities
of the Law Institute of the Chelyabinsk State University (CSU)
PhD (Law)

Savchenko Anatoliy N.

Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law of a Branch
of the Russian State University of Justice
Judge Emeritus

The article studies forensic analysis production of test evidence in place (article 194 CCP), particularly the production of check of indications on a place investigatory actions, litigation assessment, this evidence from the point of view of reliability, the moral foundations of examination and evaluation of indications on a place.

Keywords: judicial ethics, method of investigation of evidence, investigative action, verification of testimony on the spot, establishment of new circumstances, rules of evaluation of evidence.

«Одним из эффективных способов исследования доказательств, содержащихся в показаниях свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, является следственное действие, полу-

чившее название проверки показаний на месте»¹. Необходимо заметить, что на

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник

данное следственное действие обращено было внимание в криминалистике, когда в УПК РФ² не было нормы, закрепляющей цели и порядок проведения проверки показаний на месте. Тогда же в научной литературе по тактике проверки и уточнения показаний на месте отмечалось, что данное следственное действие сочетает «в себе черты ряда следственных действий, имеет своеобразный комплексный характер и своеобразную тактику проведения»³.

Сейчас же мы имеем специальную норму в УПК РФ под названием «Проверка показаний на месте» (ст. 194 УПК РФ), в которой:

— определена цель: установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 194 УПК РФ), путем проверки или уточнения показаний, ранее данных подозреваемым или обвиняемым, а также потерпевшим или свидетелем на месте, связанном с исследуемым событием;

— определена ценность данного следственного действия — проверка или уточнение показаний ранее допрошенных участников уголовного судопроизводства, которые могут быть доказательством по уголовному делу в случае дополнения ранее полученных показаний новыми обстоятельствами, связанными с воспроизведением обстановки и обстоятельств исследуемого события, указанием на предметы, документы, демонстрацией определенных действий с исключением постороннего вмешательства и наводящих вопросов (ч. 2 ст. 194 УПК РФ);

— содержится запрет одновременной проверки на месте показаний нескольких лиц (ч. 3 ст. 194 УПК РФ);

— регламентирован алгоритм начала производства проверки показаний на месте — предложение лицу указать место, где его показания будут проверяться, и после свободного рассказа и

демонстрации действий лицу, показания которого проверяются, могут быть заданы вопросы.

В практическом пособии во введении, подчеркивая необходимость следования неукоснительному соблюдению закона, авторы выделили жирным шрифтом очень важное, исключительное, пожалуй, ключевое дополнение к пониманию неукоснительности соблюдения закона, которое и наполняет содержание неукоснительности ценностью применительно к соблюдению закона: закон должен исполняться «осмысленно»⁴.

Авторы данной работы сформулировали ряд тактико-процессуальных особенностей, которые, по их мнению, необходимо учитывать при проверке показаний на месте и полезность которых, как представляется, очевидна:

— проверка проводится только в отношении ранее данных показаний;

— в этом случае обязательно участие лица, чьи показания проверяются;

— целью проверки является установление новых обстоятельств;

— проверка показаний связана с выходом на место;

— при проведении проверки показаний на месте желательно вести видеозапись⁵.

Думается, что законодатель в формулировке цели «установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» допустил слишком много неопределенности в допуске приобретения по сути нового доказательства через указание на установление «новых обстоятельств» без разьяснения этой категории, что, бесспорно, затрудняет понимание своеобразия и сложности уже легализованного в УПК РФ следственного действия. Причем указав цель в процедурном законе для проверки полученного доказательства — «установление новых обстоятельств», законодатель не указал даже основание для про-

для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. 627 с.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов. 627 с.

⁴ Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практическое пособие. М. : Эксмо, 2009. С. 4.

⁵ Там же. С. 135–138.

ведения нового следственного действия, что на практике приводит к повторению (копированию в другом следственном действии) ранее данных показаний при допросе без приобретения каких-либо новых обстоятельств, обогащающих ранее полученные сведения, содержащиеся в ранее данных показаниях подозреваемого или обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

Это приводит к трудности, как представляется, в практике судопроизводства доискиваться смысла и предназначения следственного действия по проверке показаний на месте и, как следствие, к искажению процессуальной оценки данного следственного действия как доказательства в уголовном судопроизводстве.

Для подтверждения изложенного необходимо обратиться к судебной практике.

Как следует из Апелляционного постановления Судебной коллегии по уголовным делам Новгородского областного суда от 30 мая 2019 г. № 1-73-22-634/2019 22-634/2019 по делу № 1-73-22-634/2019, С. был признан виновным и осужден по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

В судебном решении указывается, что защитник в апелляционной жалобе просил оправдать осужденного, утверждая, что приговор суда постановлен на самооговоре С., который в действительности не совершал преступления и «оговорил себя по причине неадекватного восприятия им происходящих событий вследствие длительного запоя», и доказательства виновности С. «в краже в деле нет»⁶.

Следует привести мотивировку и оценку доказательств судом виновности С. в совершении кражи.

«Виновность Санина К.В. в краже подтверждается: показаниями Санина К.В. в качестве подозреваемого и обвиняемого, а также протоколами его явки с повинной и проверки показаний на месте, показа-

ниями представителя потерпевшего Р., протоколом осмотра места кражи, заключением товароведческой экспертизы и другими доказательствами.

Согласно содержанию протокола явки с повинной и показаниям Санина К.В. в качестве подозреваемого и обвиняемого, он в конце марта 2018 г., чтобы добыть деньги на приобретение спиртных напитков, решил украсть металлические изделия для сдачи их в пункт приема металлолома. В вечернее время в д. <...> ломом сбил навесной замок с двери помещения склада, откуда стал выносить электрические двигатели и блок двигателя, которые спрятал в канаве. Похищенное продал водителю мимо проезжавшего автомобиля. Признавая протокол явки с повинной допустимым доказательством, суд исходит из того, что при получении и закреплении этого доказательства полицией были выполнены все необходимые положения действующего уголовно-процессуального законодательства, в том числе требования ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Это подтверждается не только содержанием оспоренного протокола, но и показаниями допрошенного в качестве следователя Я. об обстоятельствах получения явки с повинной без применения каких-либо недозволённых методов.

Утверждения о том, что орган предварительного расследования при получении от Санина К.В. самообличающих доказательств воспользовался его неадекватным состоянием, вызванным лечением алкогольной зависимости, опровергается: связным содержанием сообщенных допрошенным обстоятельств совершения преступления, фактом участия в процессуальных действиях с Саниным К.В. (при производстве допроса в качестве подозреваемого, обвиняемого, проверке его показаний на месте) адвоката, в отношении которого отсутствовали обстоятельства, исключающие его участие в деле, а также фактом разъяснения Санину К.В. следователем процессуальных прав, в том числе давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний.

О том, что на осужденного не оказывалось недопустимого воздействия и он имел время и возможность обдумать свою позицию по делу, свидетельствует также

⁶ Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Новгородского областного суда от 30 мая 2019 г. № 1-73-22-634/2019 22-634/2019 по делу № 1-73-22-634/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6Rud8ZyaR2ZY/>

то обстоятельство, что протокол явки с повинной Санина К.В. и протокол его допроса в качестве подозреваемого были составлены 14 июня 2018 г., а протоколы проверки показаний на месте и допроса в качестве обвиняемого были составлены соответственно 11 июля и 19 июля 2018 г., т.е. спустя значительный промежуток времени, в течение которого виновный не находился под стражей.

При таких обстоятельствах, суд первой инстанции правильно признал исходящие от Санина К.С. сведения о совершении им преступления допустимыми доказательствами, которые достойны веры, и правомерно обосновал этой обличительной информацией приговор»⁷.

Из этого примера видно, что судьи (первой и второй инстанций) свое внутреннее убеждение о виновности С. в совершении кражи обосновали «обличительной информацией», указав, что «сведения о совершении им преступления... достойны веры».

А.Ф. Кони, обращаясь к нравственным началам в уголовном процессе, свободе судейского убеждения, «ставя эту свободу как необходимое условие истинного правосудия», предостерегал «не смешивать ее с произволом, с рассмотрением судьи, лишенным разумного основания и не опирающимся на логический вывод из обстоятельств дела»⁸. По А.Ф. Кони, «свобода внутреннего убеждения состоит по отношению к каждому доказательству в том, что доказательство это может быть принято судьей за удостоверение существования того или другого обстоятельства лишь тогда, когда, рассмотрев его, обдумав и взвесив, судья находит его по источнику и содержанию не возбуждающим сомнения и достойным веры (выделено авторами статьи) по отношению ко всем доказательствам вместе — в том, что сопоставление, противопоставление и проверка одних доказательств другими совершаются не по заранее начертанной программе, а путем разумной критической работы, ищущей доступной человеку ступени правды, и одной правды,

как бы, в некоторых случаях, ни было тяжело подчинить свое личное чувство последовательному выводу сознания»⁹.

В природе правовых норм заложен дух бесконечности, что побуждает представителей различных наук и правоприменителей к поиску их смысла. Не является исключением и анализируемая в настоящей статье правовая норма. Смысл, как нам представляется, проверки показаний на месте как следственного действия предопределен не закреплением (повторным) ранее данных показаний,¹⁰ не временными рамками повторения участником уголовного судопроизводства ранее данных показаний и их количеством, а в приобретении новых сведений, дополняющих ранее данные показания новым содержанием. Это не слепое повторение показаний, а отыскание новых сведений при проведении следственного действия, благодаря чему оно и приобретает значение самостоятельного источника как доказательства лишь с приращением новых обстоятельств к ранее данным показаниям.

Необходимость проведения проверки показаний на месте должна диктоваться целью — возможностью получения новых фактических данных, подтверждающих ранее данные показания об обстоятельствах, имеющих значение для дела. В противном случае теряются смысл проведения проверки показаний на месте и ценность этого следственного действия в качестве доказательства с точки зрения познавательного аспекта.

Для иллюстрации приведем пример из судебной практики.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Так, судебная коллегия по уголовным делам Брянского областного суда, оставляя жалобу осужденного и его адвоката без удовлетворения, законность и обоснованность приговора суда первой инстанции подтвердила рядом доказательств, среди которых привела и протокол проверки показаний на месте, указав, что виновность подтверждается «протоколом проверки показаний Жаворонкова М.Н. на месте происшествия, согласно которому он подтвердил свои показания». См.: Апелляционное определение судебной коллегии Брянского областного суда от 6 декабря 2019 г. № 22-1731/2019 по делу № 1-320/2019. URL: <https://oblsud--brj.sudrf.ru/modules>.

⁷ Там же.

⁸ Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М.: Издательство «Э», 2016. С. 18.

Приговором Новгородского районного суда Новгородской области от 25 июня 2019 г. А. был осужден по ч. 1 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Как следует из приговора, А. в протоколе явки с повинной сообщил обстоятельства хищения продуктов из магазина. Эти показания А. повторил при допросе в качестве подозреваемого 6 декабря 2018 г. и в качестве обвиняемого — 19 декабря 2018 г. В основу обвинительного приговора в качестве доказательства приведена проверка показаний А. на месте.

Из приговора:

«Согласно протоколу проверки показаний на месте обвиняемого Алексева А.А. от 20 декабря 2018 г., с фототаблицей, Алексей А.А. предложил всем участвующим лицам от ФКУ-СИЗО-1 <... > проехать к д. 21 по ул. Хутынской в Великом Новгороде. Прибыв по указанному адресу, обвиняемый указал на магазин «Пятерочка», находящийся в указанном доме, пояснив, что 23 мая 2018 г. около 10 часов 50 минут он зашел в данный магазин, где, взяв продовольственную корзину, прошел в торговый зал магазина, сложил в корзину различный товар (водку, семечки, пиво и т.д.). Затем он пояснил, что прошел к кассе № 1, где продавец-кассир пробила весь товар, который у него был сложен в корзину, он же, попросив дать ему пакет, все сложил в него. Он же, схватив пакет, убежал из магазина...»¹¹

Недопонимание смысла этого доказательства можно встретить и в уголовно-процессуальной науке.

Так, в курсе лекций по уголовному судопроизводству перечислены следующие предпосылки проведения проверки показаний на месте: «а) лицо допрошено и в своих показаниях максимально подробно изложило все известное ему по делу; б) этих показаний, по мнению следователя, недостаточно для получения от лица полной картины происшедшего; в) подозреваемый, обвиняемый согласен дать показания на месте (это их право), тогда как потерпевший и свидетель обя-

заны участвовать в данном следственном действии».¹²

Как видно, все перечисленные предпосылки проведения проверки показаний на месте не имеют никакого отношения к цели данного следственного действия — приобретению новых обстоятельств, имеющих значение для дела.

Недопонимание этого может привести к стереотипу практики бессмысленного проведения проверки показаний на месте, что можно диагностировать зачастую к проведению очной ставки между ранее допрошенными лицами, в показаниях которых нет не только существенных противоречий, а вообще каких-либо противоречий.

Чтобы не постигла такая же судьба анализируемое следственное действие, его процессуальную ценность и целесообразность проведения осмысливать необходимо через нравственное содержание уголовно-процессуальной нормы.¹³

Проверка показаний на месте обвиняемого имеет более глубокое нравственное содержание. И нравственное начало заключается не в проверке порядочности человека, обвиняемого в непорядочности (совершении преступления). Оно обращено к правоприменителю, что следует из текста, в котором содержатся запреты постороннего вмешательства, одновременной проверки на месте показаний нескольких лиц, регламентация

¹² Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. 5-е изд. Екатеринбург, 2017. С. 186.

¹³ Вопросам нравственности как правосудия, так и отдельным уголовно-правовым и уголовно-процессуальным нормам и институтам в юридической литературе уделяется внимание: Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. 304 с.; Савченко А.Н. Право на примирение сторон уголовного судопроизводства — составная часть прав человека // Российский судья. 2007. № 3. С. 11–14; Савченко А.Н. Усмотрение власти в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2008. № 5. С. 24–26; Подольный Н.А., Урявин Д.А. Справедливость — критерии правосудия // Российский судья. 2011. № 1. С. 32–35; Артамонова Е.А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости // Российский судья. 2011. № 1. С. 36–44; и др.

¹¹ См.: Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 25 июня 2019 г. по делу № 1-272/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t5QyWHaxuuxn/>

возможности задавать вопросы лицу, показания которого проверяются, лишь после его свободного рассказа и демонстрации этим лицом действий.

Поэтому проведение проверки показаний на месте лишь для повторения ранее данных показаний вопреки законодательной цели лишено нравственного начала и должно признаваться недопустимым доказательством.

Для осмысленного производства следственного действия в виде проверки показаний на месте с точки зрения криминалистической тактики желательным в каждом случае определять целесообразность его проведения через прогнозирование возможности получения при производстве данного следственного действия каких-либо новых, подтверждающих ранее данные показания доказательств.

С точки зрения же уголовно-процессуального закона необходимо вышеизложенные слова А.Ф. Кони о свободе внутреннего убеждения применить по

отношению к каждому доказательству в «поисках правды». Осмысление нравственного содержания доказательств так важно для правоприменительной практики, которая если и воспринимает их, то в виде глянца на красивой обложке дорогого журнала — как примерно происходит и с пониманием правоприменителями принципов уголовного судопроизводства. Для облегчения практической критической работы правоприменителей в направлении «поиска правды» (дознателей, следователей, адвокатов, прокуроров и судей) предлагаем внести в ст. 75 УПК РФ («Недопустимые доказательства»), в ее часть вторую, п. 1.1 следующего содержания: «Показания подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего и свидетеля в ходе проверки показаний на месте являются недопустимыми, если сведения, полученные в результате этого следственного действия, лишь воспроизводят ранее данные ими показания на месте».

Литература

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под редакцией Р.С. Белкина. Москва : Норма : ИНФРА-М, 1999. 627 с.
2. Артамонова Е.А. О необходимости осуществления правосудия по уголовным делам с позиций справедливости / Е.А. Артамонова // Российский судья. 2011. № 1. С. 36–44.
3. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. Москва : Эксмо, 2009. 208 с.
4. Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций / А.А. Давлетов. 5-е изд. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2017. 347 с.
5. Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи / А.Ф. Кони. Москва : Э, 2016. 640 с.
6. Подольный Н.А. Справедливость — критерии правосудности / Н.А. Подольный, Д.А. Урявин // Российский судья. 2011. № 1. С. 32–35.
7. Савченко А.Н. Право на примирение сторон уголовного судопроизводства — составная часть прав человека / А.Н. Савченко // Российский судья. 2007. № 3. С. 11–14.
8. Савченко А.Н. Усмотрение власти в уголовном судопроизводстве / А.Н. Савченко // Российский судья. 2008. № 5. С. 24–26.
9. Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество / В.Г. Ярославцев. Москва : Юстицинформ, 2007. 304 с.

Деятельность следователя по формированию материалов уголовного дела на стадии окончания предварительного расследования

Багмет Анатолий Михайлович,
исполняющий обязанности ректора Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
akskrf@ya.ru

Османова Надежда Валерьевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук
osmanovanadegda@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся деятельности следователя на стадии окончания предварительного расследования по формированию материалов уголовного дела, принятию следователем решений по систематизации доказательств. Авторами приводится судебно-следственная практика, анализируются результаты проведенного опроса следователей СК России, даются рекомендации по формированию материалов уголовного дела, реализация которых будет способствовать сокращению сроков ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела.

Ключевые слова: окончание предварительного расследования, усмотрение следователя, принятие решения, материалы уголовного дела, уголовное судопроизводство, доказывание, совершенствование законодательства, правоприменительная деятельность.

Putting Together Criminal Case Files by an Investigator at the Stage of Termination of Pre-Trial Investigation

Bagmet Anatoliy M.
Acting Rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Osmanova Nadezhda V.
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Law)

The article deals with the issues related to the activities of the investigator at the stage of completion of the preliminary investigation on the formation of materials of the criminal case, the adoption of decisions by the investigator on the systematization of evidence. The authors present the judicial and investigative practice, analyze the results of the survey of investigators of the IC of Russia, make recommendations on the formation of criminal case materials, the implementation of which will help to reduce the time of familiarization of participants of criminal proceedings with the materials of the criminal case.

Keywords: discretion of the investigator, completion of the preliminary investigation, decision-making, criminal case materials, criminal proceedings, evidence, improvement of legislation, law enforcement.

Правоприменительной практике известны случаи производства в ходе предварительного расследования более тысячи следственных действий, экспертных исследований, нашедших свое

закономерное отражение в материалах уголовного дела.

Так, например, по уголовному делу об убийстве настоятеля Свято-Троицкого Данилова мужского монастыря

в г. Переславле-Залесском Ярославской области, совершенном в июле 2016 г., следователями ГСУ СК России совместно с сотрудниками ГУУР МВД России проведена масштабная работа по проверке причастности к преступлению более трех тысяч лиц, назначено и проведено более 430 судебных экспертиз. В числе проверяемых и допрошенных были лица из окружения игумена, наркозависимые, ранее судимые — в частности, за преступления на объектах религиозного культа, — а также иные категории лиц. В результате следствием получены сведения о возможной причастности к преступлению 31-летнего А., сообщившего впоследствии в ходе допроса обстоятельства совершенного им убийства. Все процессуальные и следственные действия, проведенные в ходе расследования, нашли свое отражение в материалах уголовного дела.

От того, насколько грамотно и логично будут систематизированы полученные доказательства, во многом зависят сроки ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, принятие в последующем решения прокурором в порядке ст. 221 УПК РФ¹, а также рассмотрение дела в суде и принятие итогового решения.

В результате изучения уголовных дел можно утверждать, что, как правило, около 60–70% материалов уголовного дела прямо не указывают на совершение преступления конкретным лицом, а также не опровергают версию обвиняемого. Несмотря на это, все они в обязательном порядке подшиваются к материалам уголовного дела и предъявляются в последующем для ознакомления участникам уголовного судопроизводства.

Формирование материалов уголовного дела в самом общем виде представляет собой деятельность по приведению в стройную систему, в надлежащем порядке и в определенной последовательности разнообразных объектов: процессуальных документов, доказательств и их источников.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

При систематизации материалов уголовного дела следует учитывать, что событие преступления всегда обладает таким обязательным свойством, как ретроспектива, оно происходит не одновременно с процессом проверки сообщения о преступлении или предварительного расследования, а значительно раньше.

Полагаем возможным согласиться с позицией Головки Л.В., Ульяновой Л.Т. о том, что «для уголовно-процессуального познания характерны цикличность и возобновляемость, когда в каждой следующей стадии уголовного процесса, предполагающей полноценное познание (доказывание), требуется заново выяснять обстоятельства дела так, будто они вовсе не были еще установлены в стадии предыдущей»².

Сформировать правильно материалы уголовного дела — значит расположить их в порядке, удобном для изучения, с последующей возможностью восстановления событий, имевших место в прошлом относительно предмета доказывания и самой деятельности, связанной с доказыванием.

Согласно проведенному в Московской академии СК России исследованию, 87% опрошенных следователей СК России (всего опрошено 57 следователей) полагают, что следователь вправе по своему усмотрению формировать материалы уголовного дела, решая при этом вопросы оценки доказательств (их соответствия свойствам относимости, допустимости, достоверности) и целесообразности их приобщения к материалам уголовного дела.

В правоприменительной деятельности встречаются три способа систематизации материалов уголовного дела: *хронологический, тематический и смешанный*.

Хронологический порядок подразумевает расположение материалов уголовного дела по мере их поступления, производства следственных действий. Это основной способ систематизации, но он не всегда бывает удобным для работы, поскольку многие документы, связан-

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2017. С. 418.

ные между собой по иным основаниям, оказываются расположенными в разных частях уголовного дела, что затрудняет их изучение, анализ и оценку и вынуждает при проверке материалов уголовного дела прилагать большие усилия к поиску взаимосвязанных процессуальных документов, находящихся в разных томах.

Следующий способ систематизации — *тематический*, или *предметный*. Он заключается в том, что документы группируются по основаниям относительно имеющихся между ними связей и подшиваются друг с другом.

Так, в одну группу могут объединяться документы, содержащие сведения об отдельных обстоятельствах, подлежащих установлению. К ним можно отнести:

- сведения о личности обвиняемого (копия паспорта, форма № 1 к паспорту, международный запрос и, соответственно, ответ на него, копии приговоров, документы, характеризующие производственную и служебную деятельность — должностные инструкции, выписки из приказов и др.);

- сведения, подтверждающие размер гражданского иска, обеспечивающие его возмещение (заключения товароведческих экспертиз, справки о затратах потерпевшего на лечение, расписки о получении сумм в счет возмещения материального ущерба, постановления и протоколы наложения ареста на имущество, документы о наличии у обвиняемого имущества, на которое может быть наложен арест, о сдаче следователем ценностей на хранение и др.);

- сведения, фиксирующие ход проведения тактической операции (задержание с поличным, проверка алиби и др.).

В одну группу также могут объединяться документы, отражающие последовательность принятия следователем определенных процессуальных решений и их исполнение (постановление об обыске, выемке и протоколы проведения этих следственных действий, постановление о наложении ареста на имущество и протокол, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, протокол его допроса, постановление об избрании меры пресечения).

Единую группу документов образуют процессуальные документы, фиксирующие проведение однородных следственных действий (например постановления и протоколы проведенных обысков, выемок, постановления о назначении экспертиз, заключения экспертиз, протоколы ознакомления обвиняемых с указанными документами и т.д.).

Наиболее часто следователями при формировании материалов уголовного дела используется *смешанный метод*, в основе которого лежит расположение в хронологическом порядке документов, систематизированных по тематическому способу. Следователь группирует материалы, исходя из особенностей уголовного дела, его сложности, объема выполненной работы, собственных навыков расследования и планирования и др. При любом способе систематизации в начале дела располагаются материалы доследственной проверки (заявление, рапорт об обнаружении признаков преступления, объяснения, справки, протокол осмотра места происшествия и др.), после — материалы предварительного расследования.

Необходимо обращать внимание не только на систематизацию материалов в определенной последовательности процессуальных и иных документов, имеющих в деле, но и на их относимость к предмету доказывания.

Так, в ходе интервьюирования следователем-криминалистом отдела криминалистики Следственного управления СК России по Калужской области, почетным работником Прокуратуры РФ, полковником юстиции Руховым В.Н. высказана позиция, согласно которой следователь самостоятельно принимает решение по формированию материалов уголовного дела, их систематизации и объему. Такое решение следователя, согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ, должно найти свое отражение в форме постановления. Рухов В.Н., положительно оценивая отказ законодателя от строго регламентированных в УПК РФ бланков процессуальных документов, полагает, что и свойство относимости доказательства к предмету доказывания в случае его отсутствия должно быть отражено

в соответствующем постановлении с последующим указанием судьбы изъятого предмета.

С высказанной позицией практического работника можно согласиться. Так, согласно проведенному анализу норм уголовно-процессуального закона (ч. 2 ст. 140, 145, ч. 1 ст. 170, ч. 1 ст. 215 УПК РФ), следователь вправе самостоятельно оценивать достаточность данных, указывающих на признаки преступления, достаточность доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления, достаточность доказательств для составления обвинительного заключения и принимать соответствующее решение в виде постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения³. Аналогично полагаем, что следователь вправе самостоятельно формировать материалы уголовного дела, а впоследствии предоставлять их руководителю следственного органа, участникам уголовного судопроизводства при ознакомлении, прокурору и судь.

Истина по уголовному делу устанавливается не любыми методами, а исключительно процессуально закрепленным способом: путем уголовно-процессуального доказывания и при помощи уголовно-процессуальных доказательств.

Особого внимания заслуживают систематизация бухгалтерских документов, которые в обязательном порядке изымаются при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, финансовой деятельности, налоговой, банковской сферах и т.п. (хищения, совершенные должностными и материально-ответственными лицами, уклонения от уплаты налогов и др.), и разрешение вопросов по их приобщению к материалам уголовного дела.

Такие документы являются важными источниками доказательств, постоянно используются следователем при расследовании и при планировании, при

проведении ревизий, бухгалтерских и других экспертиз. Систематизация бухгалтерских документов в удобном для пользования порядке значительно облегчает работу с ними. Она может осуществляться различными способами в зависимости от масштабов преступной деятельности, количества изымаемых документов, от иных факторов.

В организациях и учреждениях бухгалтерские и иные документы группируются в тома, папки, наряды по определенным направлениям с целью последующего их хранения в архиве.

Если при расследовании уголовного дела выявлено незначительное количество эпизодов преступной деятельности обвиняемых, то отдельные документы, имеющие непосредственное отношение к этим эпизодам, изымаются из общей массы документов, находящихся в папке (наряде), и приобщаются к материалам уголовного дела. В этом случае их удобно располагать в хронологическом порядке, в соответствии с датой осуществления — например финансово-хозяйственные операции.

По многоэпизодному уголовному делу необходимо проверить большое количество операций, сделок и др., поэтому папки (наряды), в которых находятся интересующие следствие документы, изымаются полностью. В этом случае сохраняется принятое в папке (наряде) расположение бухгалтерских, иных документов, и к уголовному делу приобщаются папки (наряды) в целом, в виде приложения. Если таких приложений несколько, каждому из них присваивается порядковый номер, и при использовании — например при допросе какого-либо участника уголовного судопроизводства — в протоколе указываются название предъявляемого документа и его расположение — номер приложения, наименование папки (наряда).

Если документ или вещественное доказательство приобщаются к уголовному делу, то они упаковываются в конверт, который подшивается в дело. При этом листом дела считается этот конверт, на нем ставится порядковый номер, обозначенный одной цифрой, вне зависимости от того, на скольких листах составлен сам документ, помещенный в конверт.

³ Подробнее о свойствах доказательств см.: Уголовный процесс: учебник / под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 147–151.

Конверт опечатывается, подписывается следователем. В описи указываются наименование документа, находящегося в конверте, и порядковый номер листа дела.

Изъятые документы в случае не установления их относимости к предмету доказывания возвращаются хозяйственному органу, собственнику под расписку для хранения. Приобщать такие документы к материалам уголовного дела не следует: излишняя загроможденность негативно повлияет на изучение материалов уголовного дела, восприятие события преступления, хода расследования и сроки ознакомления с материалами уголовного дела. Поэтому следует отличать возвращение доказательства на ответственное хранение (допустимое как при производстве предварительного расследования, так и по решению суда) и предметов, не имеющих доказательственного значения.

Следователь может формировать материалы на любом этапе расследования по своему усмотрению, за некоторыми исключениями, в частности:

— нельзя изменять расположение материалов в деле, их нумерацию после того, как с делом ознакомились участники уголовного процесса;

— если в одно производство объединяются несколько уголовных дел, то систематизация документов в каждом из них, существовавшая до объединения, должна быть сохранена. Недопустимы изъятие и размещение их в другой части тома (томов) уголовного дела, группирование их с другими. Систематизировать по своему усмотрению следователь может только те документы, которые составлены им или поступили к нему после соединения дел в одно производство.

Грамотное формирование материалов уголовного дела обеспечивает более качественное расследование уголовного дела, его изучение руководителем следственного органа и в дальнейшем прокурором, что оказывает существенное влияние на качество судебного следствия и в целом эффективность уголовного судопроизводства. Кроме того, логически структурированные материалы уголовного дела способствуют сокращению

временных затрат на их проверку и ознакомление с ними участников уголовного судопроизводства, а значит, реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Правильное формирование материалов уголовного дела позволяет свести к минимуму возможность истечения сроков давности при умышленном затягивании обвиняемым и его защитником сроков ознакомления с материалами уголовного дела.

В связи с изложенным полагаем возможным изложить ч. 1 ст. 217 УПК РФ в следующей редакции: «После выполнения требования статьи 216 настоящего Кодекса следователь предъявляет обвиняемому и его защитнику *сформированные по своему усмотрению*, подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением случаев, предусмотренных частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса».

Собранные следователем в ходе досудебного производства доказательства находят свое закономерное отражение в обвинительном заключении — как в перечне доказательств, подтверждающих обвинение, так и в перечне доказательств, на которые ссылается сторона защиты (при их наличии). Исходя из установленной законодателем структуры обвинительного заключения (ст. 220 УПК РФ), целесообразно и материалы уголовного дела формировать таким образом, чтобы потерпевший, его представитель, а также обвиняемый, его защитник при ознакомлении в порядке ст. 217 УПК РФ смогли оценить доводы сторон.

В материалах уголовного дела могут находиться лишь относящиеся к расследуемому преступлению документы. Так, не должны находиться в уголовном деле личные документы обвиняемых, достаточно иметь их копии. Не приобщаются к материалам уголовного дела истории болезней, амбулаторные карты, если они не являются вещественным доказательством. После осмотра указанных документов, изготовления необходимых выписок, копий они должны возвращаться под расписку в медицинское учреждение и храниться там (целесообразность возвращения зависит от обстоятельств

уголовного дела, основана на решении следователя, дознавателя или суда). Не должно быть при деле оружия, денег, изделий из драгоценных металлов и пр.

Систематизируя документы, нельзя вносить в них какие-либо изменения, пересоставлять, изменять содержание, изымать из дела. В случае, например, если следователем при расследовании уголовного дела по факту мошеннических действий с земельными участками поступила информация о возможном совершении лицом аналогичных преступлений ранее, им запрашивается дополнительная документация (договоры купли-продажи, реестр земельных участков, сведения из кадастровой, налоговой служб и др.). Если впоследствии оказывается, что в действиях лица нет события преступления, то следователем принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, при этом сведения о проведенной проверке должны найти отражение в уголовном деле, поскольку имеют отношение к возбужденному уголовному делу в части полноты собранных доказательств и установления причастности обвиняемого к совершению аналогичных преступлений.

Определить, каким образом будут систематизироваться документы в деле, целесообразно еще при изучении его, и в дальнейшем стоит придерживаться избранного порядка. Документы, которые будут группироваться, можно накапливать в отдельных папках и подшивать в какой-либо части уголовного дела, когда они будут собраны в необходимом объеме, остальные подшивать в дело по мере их поступления и нумеровать. Если после составления плана систематизация будет существенно изменена, в конспекте

плана нужно сделать соответствующие отметки.

Изменение систематизации после составления плана расследования по делу нежелательно, так как это осложнит работу с планом и с материалами уголовного дела.

Таким образом, деятельность следователя по формированию материалов уголовного дела, находящегося в его производстве, является автономной, независимой от других участников уголовного судопроизводства, однако от того, каким образом следователь систематизирует полученные им в ходе расследования преступления доказательства, во многом зависят сроки ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, принятие в последующем решения об утверждении обвинительного заключения⁴ и направлении его в суд прокурором, рассмотрение дела в суде и принятие итогового решения.

Поставленные авторами в настоящей научной статье проблемы актуальны как для науки уголовного процесса, так и для работников органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. В связи с изложенным представляет интерес позиция практических органов относительно освещенных авторами вопросов.

Предлагается к обсуждению.

⁴ О направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору см.: Багмет А.М., Османова Н.В. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору. Процессуальный контроль в органах СК России: уч.-мет. пособ. / под ред. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ, 2015. 200 с.

Литература

1. Багмет А.М. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору. Процессуальный контроль в органах СК России : учебно-методическое пособие / А.М. Багмет, Н.В. Османова ; под редакцией А.М. Багмета. Москва : Юрлитинформ, 2015. 200 с.
2. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головки. Москва : Статут, 2017. 1280 с.
3. Уголовный процесс : учебник / под редакцией А.М. Багмета. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 911 с.

Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное

Бозров Владимир Маирович,

заведующий кафедрой судебной деятельности
Уральского государственного юридического университета,
председатель Екатеринбургского гарнизонного военного суда
в почетной отставке, судья высшего квалификационного класса,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
ksd@usla.ru

В статье обосновываются актуальность темы исследования и ее значимость для теории и практики правосудия в целом и уголовного — в частности. Анализируются точки зрения российских ученых касательно роли правосудия на общественной арене, его содержания, форм и философской сущности. По тем же аспектам особое внимание уделяется правосудию по уголовным делам, его границам и особенностям функционального предназначения. В этом смысле рассматриваются особенности деятельности органов судебной власти в сравнении с правоохранительными органами. В заключительной части статьи дается определение правосудию, приводится система его неотъемлемых признаков.

Ключевые слова: правосудие, сущность, содержание, признаки, инстанция, судебная власть, судопроизводство, судебные стадии, борьба с преступностью, правоохранительные органы, органы судебной власти.

The Essence, Content and Form of Justice in Criminal Cases in the Russian Legal Science: General and Special

Bozrov Vladimir M.

Head of the Department of Judicial Activities of the Ural State Law University
Honorably Discharged Presiding Judge of the Ekaterinburg Garrison Military Court
Judge of the Highest Classification
Honored Lawyer of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article substantiates urgency of the research and its importance for the theory and practice of justice in general and criminal justice in particular. The author analyzes the Russian scientists' points of views in the matter of the role of justice in the public arena, its content, forms and philosophical essence. On the same aspects, special attention is received to criminal justice, its limits and special aspects of its functional destination. In this sense, special aspects of judicial branch in comparison with law enforcement agencies are considered. In the final part of the article the definition of justice is given, the system of its an inalienable characteristic is provided.

Keywords: justice, essence, content, signs, instance, judicial power, court procedure, judicial stages, fight against crime, law enforcement agencies, judicial branch.

Может показаться, что заявленная тема сомнительна касательно исследовательского интереса, поскольку за многие годы существования российской юридической науки все ее наиболее значимые проблемы изучены, а поэтому перестали быть таковыми. И на самом деле, редко какой известный ученый-правовед обошел молчанием дискуссионные моменты понятия и сущности формы и содержания правосудия. Одно лишь перечисление

авторов научных работ, так или иначе затронувших эту проблематику, заняло бы не одну страницу.¹ В этой связи возник-

¹ См., например: Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. М.: Эксмо, 2008. 270 с.; Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 592 с.; Власов В.И. Философия правосудия. М.: Изд-во РАГС, 2010. 335 с.; Воропанов В.А. Суд и

кает вполне справедливый вопрос: зачем тогда снова перемалывать проблематику, которая в силу ее изученности перестала быть таковой?

Отвечая на данный вопрос, от себя добавим, что в подлинной теории и настоящей науке не может быть места ничего не значащим проблемам. Если проблема не представляет какого-либо интереса, то она искусственна, надуманна, не отражает реальной жизни. Это — во-первых.

Во-вторых, чтобы отметить объективную актуальность темы, следует сказать, что, несмотря на усилия ряда ученых в ее разработке, многие вопросы еще остаются «вещью в себе». К тому же вряд ли мы найдем хотя бы одну проблему, которая бы себя целиком исчерпала. Исчерпывается только исследователь, а конечных научных проблем в природе не существует.

В указанные хрестоматийные моменты внесем нетрадиционный аспект постановкой другого вопроса: почему проблемы правосудия постоянно находились в центре внимания выдающихся умов своего времени, занимали видное место среди проблем государственного переустройства? На знаменах сил, идущих к власти, всегда были лозунги, ориентирующие на подлинный демократизм правосудия, во всех трудах философов и историков с самых давних времен так или иначе затрагивалось правосудие, а К. Маркс и Ф. Энгельс, предрекая гибель государства, оставляли в покое право, без которого правосудия быть не может.

Правосудие — предмет конституционного и многих других отраслей права, предмет постоянного научного увлече-

ния, о чем свидетельствует количество посвященных ему работ.² Почему же оно волновало и продолжает волновать людские умы?

Вопрос этот сложный, многогранный, требующий философского осмысления. В самом общем виде ответ на него таков: правосудие тесно соприкасается с нашей жизнью, поскольку испокон веков выполняет великую миссию — охраняет жизнеспособность общества, организует социальное общение.

Да, этот ответ носит весьма общий характер, но он является ориентиром при определении степени актуальности исследования правосудия вообще и по уголовным делам, в частности. Проще говоря, он показывает, какой из проблем следует отдать предпочтение, чтобы термин «правосудие» повернулся к нам новыми смысловыми гранями.

Итак, если исходить из постулата о том, что правосудие обеспечивает жизнеспособность человеческого общества, то в первую очередь следует определить диапазон правосудия, а если иметь в виду процессуальную форму, то его процессуальные границы, а затем уже исследовать другие, производные от него проблемы.

При этом автор настоящих строк далек от намерения бросить упрек в адрес тех коллег, которые занимались и занимаются исследованиями процессуального диапазона правосудия. И все же хотел бы обратить внимание на то, что эта проблема решается как-то походя, без достаточной аргументации и, главное, без учета последствий, которые могут иметь место при подобном подходе. Сказанное подтверждается хотя бы тем, что такие ученые, отстаивая, по сути, одни и те же позиции в части существа, формы и содержания правосудия, вдруг разительно расходятся в вопросе о его процессуальных границах.

Разительность противоречий здесь не может не поражать воображение, но еще разительней то, что все их суждения в большей или меньшей мере далеки от истины.

правосудие в провинции Российского государства в XVI — первой половине XVIII в. : монография. М. : Проспект, 2016. 451 с. ; Жилин Г.А. О понятии правосудия по гражданским делам // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 4—20 ; Модели правосудия : сборник статей. Вып. 4 / редколл. : М.В. Немытина [и др.]. Саратов : Научная книга, 2008. 372 с. ; Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева и Т.Я. Хабриевой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 719 с. ; Стецовский Ю.И. Судебная власть. М. : Дело, 1999. 398 с. ; Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций : для судебной системы РФ / под ред. В.В. Ершова. М. : Российская академия правосудия, 2011. 900 с. ; Эффективность правосудия и судебная защита: некоторые теоретические и практические аспекты : мат. второй науч.-практ. межрегион. конфер. / отв. ред. О.А. Егоров и Ю.Р. Беспалов. М., 2011. 167 с. ; и др.

² См. об этом: Слепченко Е.В. Административное судопроизводство: понятие, единство и дифференциация // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 51—57 ; Слепченко Е.В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности // Юридический мир. 2009. № 2. С. 17—24.

Ознакомившись с имеющимися на этот счет точками зрения, читатель в лучшем случае окажется в недоумении, поскольку вынужден будет гадать, осуществляется ли по конкретному делу правосудие или оно еще не начиналось, а может быть, вообще уже закончилось.

Конечно, нельзя исключить возможный в адрес автора настоящих строк упрек в том, что он проявляет чуть ли не пуританскую заботу о чистоте теории — или еще более: он скатился в этих заботах к некоему донкихотству, поскольку, казалось бы, главное — то не в названии, а в соблюдении закона и принятии правильного решения. В порядке подтверждения сказанного могу добавить, что не так важно, как называется болезнь, важно, чтобы человек от нее излечился.

В конечном счете дело, конечно же, не в терминах, определяющих суть правосудия. Если бы спор касался сугубо терминологической стороны, можно было бы сказать: «Бог с ними, с этими терминами». Но правосудие — не просто термин. Правосудие — нечто большее, чем деятельность суда по относящимся к его компетенции делам, ибо через правосудие можно судить об уровне совершенства правовой системы в целом, сложившегося правопорядка и правосознания в обществе.³

Исторически доказано, что изменения в политической жизни общества обычно обуславливают внесение коррективов не только в политику самого государства, но и в функции органов, представляющих институты его власти, в частности, в деятельность судов⁴.

Так, в России судебной реформе 1864 г. предшествовали социально-экономические преобразования 1861 г., связанные с землеустройством, пред-

принимательской деятельностью, отменой крепостного права. Естественно, целью реформы было создание механизма судебной власти по защите приоритетов в экономической и социальной областях. Утверждая акты реформы, Александр II в указе Правительствующему сенату от 20 ноября 1864 г. писал: «Рассмотрев сии проекты, мы находим, что они вполне соответствуют желанию нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»⁵.

Политические события 1917 г. не только похоронили идеи судебной реформы 1864 г., но и привели к контрреформе так называемых троек, ревтрибуналов, спецсудов и т.д. Современные кардинальные экономические и политические преобразования в российском обществе тоже стали причиной изменений в структурах властных органов государства, перераспределения их ролей и функций в государственном механизме. Например, в контексте Концепции судебной реформы внесены радикальные коррективы в судебную систему Российской Федерации: созданы Конституционный суд, арбитражные суды, существенно преобразованы Верховный суд и суды общей юрисдикции — касательно инстанционности, форм отправления правосудия и структуры, — образованы Органы судейского сообщества, при Верховном суде РФ создан Судебный департамент, в ведении которого находятся материальное, кадровое и ресурсное обеспечение судов⁶. Принято

³ См. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти // Российское правосудие. 2006. № 1. С. 39–52.

⁴ См. подробнее: Кобликов А.С. Судебная политика и способы ее реализации // Современное государство и право. 1991. № 6. С. 69–75; Колоколов Н.А., Павликов С.Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве. М.: Юрлитинформ, 2007. 306 с.; Терехин В.А., Герасимова А.А. Функции судебной власти в механизме Российского государства. М.: Юрлитинформ, 2015. 292 с.

⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. М., 1991. С. 28.

⁶ См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 06.03.2019) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ.

новое процессуальное и материальное законодательство. Усилия по реформированию судебной системы направлены на создание материальной и правовой базы, необходимой для более эффективного обеспечения независимости судей, поднятия авторитета судебной власти, воспитания уважения к суду, реальное обеспечение права граждан на правосудие, повышение качества правосудия.⁷

И все же фундаментальный вопрос о существе правосудия, ее формах и содержании, границах и социальной роли остается дискуссионным, хотя не исключено, что для многих современных правоведов в наши дни он приобрел значение хрестоматийного. В этой связи, рискуя вызвать некоторое недоумение у сторонников традиционной школы уголовного процесса, осмелюсь заявить, что в современной России для постановки данного вопроса есть серьезные основания, и в первую очередь это разночтения в определении сущности и содержания правосудия, его социальной роли.⁸

Например, одни ученые полагают, что правосудие по уголовным делам осуществляется только в стадии судебного разбирательства⁹, другие считают, что оно

реализуется во всех судебных стадиях за исключением первоначальной¹⁰, а третьи относят к этому диапазону и первоначальную судебную стадию¹¹. Это во-первых.

Во-вторых, в ст. 118 Конституции РФ¹² говорится, что правосудие в РФ осуществляется только судом. Принятие новой Конституции РФ должно было бы инициировать соответствующие коррективы ранее сформулированных выводов. К сожалению, пока этого не наблюдается.

Для иллюстрации сказанного приведу два определения. «Правосудие, — писал до принятия Конституции РФ А.Д. Бойков, — есть государственная деятельность, осуществляемая судом в специальной процессуальной форме путем рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел об общественно опасных деяниях и иных правонарушениях, влекущих применение (или отказ от применения) путем принятия общеобязательного решения (акта правосудия) существенных мер государственного принуждения, и гражданских дел, связанных с защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса в целях борьбы с правонарушениями и преступностью, укрепления социалистического правопорядка, защиты интересов государства, прав и свобод советских граждан».¹³

Из этого определения усматривается, что правосудие есть:

а) государственная деятельность;

в силу с 01.09.2019) // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (ред. от 18.07.2019) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Судебная реформа в России на рубеже XX–XXI веков / под ред. В.А. Терехина. М.: Юрлитинформ, 2017. 372 с.

⁸ О социальной роли правосудия см.: Комаров А.А. Социальная сущность суда // Вестник арбитражного суда. 2009. № 2.

⁹ Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. 638 с.; Уголовно-процессуальное право РФ: учебник для вузов / под ред. П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. 590 с.; Мизулина Б.М. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия // Государство и право. 1992. № 4. С. 52–61; Нажимов В.П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1971. 42 с.; Петрухин И.Л. Правовое государство и правосудие // Современное государство и право. 1991. № 1. С. 19–29; Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. 214 с.; Савицкий В.М. Проблемы социалистического правосудия в

свете новой Конституции СССР // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. 187 с.; Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации. М., 1996. 313 с.; Северин Ю.Д. Концепция эффективности уголовного правосудия должна служить его перестройке // Современное государство и право. 1988. № 4. С. 3–44; Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая литература, 1984. 319 с.; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.; и др.

¹⁰ Строгович М.С. Указ. соч. С. 14; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1994. С. 61–62.

¹¹ Курс советского уголовного процесса: Общая часть. С. 26.

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Курс советского уголовного процесса: Общая часть. С. 26–27.

б) деятельность, осуществляемая судом не произвольно, а в специальной процессуальной форме;

в) деятельность, содержание которой составляет рассмотрение в судебном заседании уголовных и гражданских дел;

г) деятельность, завершающаяся соответствующим правоприменительным актом;

д) деятельность, назначение которой — защита прав и законных интересов граждан в целях осуществления борьбы с преступностью и укреплением правопорядка.

После принятия Конституции РФ 3.3. Зинатуллин пишет: «Правосудие по уголовным делам есть особая форма государственной деятельности судебных органов по достижению поставленных перед уголовным процессом задач».¹⁴ И далее он поясняет, что правосудие осуществляется специальным органом — судом, который выступает от имени и в интересах государства, но только путем судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел в строго предусмотренной законом форме.

Говорить о существенной разнице между этими формулами двух вышеназванных авторов вряд ли приходится.

Теперь о процессуальных границах правосудия. По мнению А.Д. Бойкова, правосудие по уголовным делам осуществляется на стадии судебного разбирательства, при кассационном и надзорном производстве, а также при рассмотрении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. За пределы правосудия он выносит деятельность судьи по назначению судебного заседания и в стадии исполнения приговора.¹⁵

3.3. Зинатуллин имеет на этот счет совершенно иное мнение. К правосудию он относит деятельность суда только в стадии судебного разбирательства, которая, по его мнению, заканчивается моментом подписания приговора в совещательной комнате. Суды же второй инстанции в отправлении правосудия не участвуют, «а лишь констатируют наличие или отсутствие оснований, свидетельствующих о незаконности и необъективности по-

становленного судом первой инстанции приговора».¹⁶

Другими словами, налицо если не парадоксальная, то во всяком случае странная ситуация: при едином мнении о сути правосудия существенные различия во взглядах ученых на его процессуальные границы.

Можно сказать — и это справедливо, — что каждый ученый имеет свой взгляд на одну и ту же проблему. Но представляется, что корни этих разногласий более глубоки. Они свидетельствуют о том, что суть, содержание и социальная роль правосудия (по уголовным делам, в частности) в российской правовой науке недостаточно ясны и заслуживают специального исследования.

Возможно, все сказанное могут принять за то, что автор якобы обеспокоен только чистотой самой теории и отвлекся от практических нужд судебной деятельности. Однако неужели для правоприменителя совершенно безразлично, когда одни ученые доказывают, что апелляционное, кассационное и надзорное производство — суть правосудия, а другие отрицают такой вывод?

Здесь опять можно предвидеть реплику — какая, мол, для суда в конечном счете разница, осуществляет ли он в данной стадии правосудие, главное, чтобы соблюдалась процессуальная форма разрешения спора о праве и принималось правильное решение. Однако если разделить это мнение, то можно пойти еще дальше и заявить, что в термине «правосудие» вообще нет никакой надобности и давайте заменим его «судебной деятельностью». Но ведь такой шаг будет, мягко говоря, кощунственным, поскольку каждый понимает, что правосудие есть нечто большее, чем просто деятельность суда, пусть даже в строго определенной процессуальной форме. Более того, этот шаг будет граничить с примитивизмом, так как правосудие надо рассматривать не только как процессуальную судебную деятельность, но и как социальное достояние, как глубинное начало всех правовых норм, как механизм обеспечения торжества справедливости. Подобные суждения о сути правосудия уже получили хождение

¹⁴ Зинатуллин 3.3. Указ. соч. С. 57.

¹⁵ Курс советского уголовного процесса: Общая часть. С. 25–26.

¹⁶ Зинатуллин 3.3. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1994. С. 61–62.

на страницах юридической печати, и приоритет здесь бесспорно следует отдать такому известнейшему ученому-процессуалисту, как А.М. Ларин, И.Л. Петрухин, В.М. Савицкий, Г.И. Загорский.¹⁷

Почему же тогда большинство процессуалистов сводят уголовное правосудие к деятельности суда (судьи) то в одной, то в нескольких (но отнюдь не во всех) процессуальных стадиях? Этот вопрос далеко не риторический, и вызван он не только заботой о чистоте теории. В нем заложен и сугубо практический интерес, а именно: забота о границах процессуальной независимости суда (судей). К тому же деятельность суда ограничивается не только функцией отправления правосудия. Она включает еще субсидиарную правосудию деятельность непроцессуального свойства, а именно: административно-распорядительную по различным направлениям организации работы суда и судьи.¹⁸

В данной связи стоит задуматься над таким конституционным принципом, как осуществление правосудия только судом. Не исключено, что его оценка может быть самой разной: одни найдут здесь элементы тавтологии, поскольку оторвать правосудие от суда в схематическом плане вряд ли возможно, другие увидят здесь руководство для определения компетенции судебных органов. Но даже при таком разночтении вряд ли есть основание думать, что этот принцип действует только в одной или только в нескольких процессуальных стадиях. Напрашивается и другой вопрос: если какие-то судебные стадии не входят в сферу правосудия по уголовным делам, то почему и на каком основании их так «обидели»?

Обратимся к Конституции РФ: гл. 7, которая посвящена правосудию, назы-

вается «Судебная власть». В ней, в ч. 2, ст. 118, подчеркивается: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Это положение продублировано и в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹⁹.

Нельзя сказать, что отождествление правосудия с «судебной властью» — совершенно новый подход к данной проблематике. Он был предложен учеными-процессуалистами дореволюционной России, которыми была дана довольно четкая и достаточно емкая характеристика судебной власти.²⁰ Конечно, сегодня эти выводы нуждаются в известной корректировке — и хотя бы уже потому, что в литературе высказаны мнения, далекие от выводов русских ученых²¹.

Из названия «судебная власть» следует, что она — судебная власть — не только независима, но и обладает определенной автономностью, и в этой связи судебная система представляет собой обособленную от всех других правоприменительных органов систему, которая функционирует совершенно самостоятельно, имеет свои, только ей присущие, цели и задачи, подчиненные рассмотрению спора о праве в установленной процессуальной форме, поскольку сущность отправления правосудия по защите прав граждан в этом, и именно только в этом и заключается²².

¹⁹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: Городец, 1997. С. 86.

²¹ Дмитриев Ю.А. Судебная власть в гражданском обществе // Судебная власть: надежды и реальность: сб. науч. стат. / редколл. В.М. Савицкий (пред.) [и др.]. М.: Манускрипт, 1993. 149 с.; Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8. С. 44–50; Масликова И.С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 217 с.; Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в конституционной системе разделения властей // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 3; и др.

²² См. об этом: Правоохранительные органы в Российской Федерации / под ред. В.М. Бозрова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 424 с.

¹⁷ Загорский Г.И., Хатуева В.В. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть. М.: Проспект, 2018; Ларин А.М. Наш инквизиционный процесс // Судебная власть: надежды и реальность: сб. науч. ст. М.: Манускрипт, 1993. С. 77; Петрухин И.Л. Принципы правосудия и судебское усмотрение // Там же. С. 51; Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации. С. 29.

¹⁸ О соотношении процессуальной и административно-распорядительной деятельности судьи см.: Актуальные проблемы организации деятельности суда / под ред. В.М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017. 568 с.

Между тем ряд ученых отталкивается от того, что если в суд граждане обращаются за защитой своих прав, значит, суды являются составной частью правоохранительных органов — т.е. ФСБ, МВД, прокуратуры и т.д. Следовательно, при отправлении правосудия по уголовным делам они одновременно в рамках разрешения спора о праве должны заниматься борьбой с преступностью.²³

Оценивая данную точку зрения, А.М. Ларин писал: «Речь идет прежде всего о концепции, отождествляющей уголовный процесс и борьбу с преступностью, правосудие и уголовное преследование, суды и органы борьбы с преступностью, подсудимых и преступников. Эту жестокую и невежественную концепцию исповедуют многие деятели государственного аппарата, от которых зависит прохождение ими службы. Со своей стороны судьи и прокуроры волей или неволей, а иные — с энтузиазмом (который поощряется особо) подчиняются данной концепции»²⁴.

Изложенное выше позволяет утверждать, что, с учетом современных изменений в российском обществе и государственном устройстве, возникшие проблемные аспекты ждут своих исследователей как с точки зрения судебно-правовых принципов, так и судебно-производственных принципов. В этом смысле одной из важнейших научных проблем, влияющих на содержание, форму и сущность правосудия по уголовным делам, является соотношение органов правосудия и правоохранительных органов.

Суд и правоохранительные органы наделены различными процессуальными функциями. Мы выше подчеркнули, что деятельность суда в уголовном процессе — не борьба с преступностью на «передних рубежах». Она (эта деятельность), в отличие от функций правоохранительных органов, сводится к разрешению возникших конфликтов по поводу нарушенного или ненарушенного уголовного закона в строго процессуальной форме.²⁵

Что же касается правоохранительных органов, то одной из главных задач их деятельности является борьба с преступностью, которая, в отличие от правосудия, не обладает обязательной процессуальной формой. К тому же органы правосудия не только образуют относительно самостоятельную систему, отличную от системы правоохранительных органов, но и обладают самостоятельной властью, именуемой судебной.

Но здесь надо обратить внимание на тот момент, что у правосудия есть антипод — антиправосудие. Что это значит? Один из первых примеров антиправосудия приведен в Евангелии: судья принял решение не по своему личному убеждению, а по настоянию толпы, требующей крови и казни, поступил своей судебной совестью. Имя этому судье — Понтий Пилат.

В этом ракурсе задумаемся над тем, что же означает термин «судебная власть». Представляется, что здесь напрашивается только один ответ — это судебное верховенство. Иначе говоря, процессуальная судебная деятельность стоит над деятельностью всех других правоприменительных органов, процессуальные функции которых по отношению к правосудию имеют субсидиарный характер, ибо эта их деятельность осуществляется не только до него, но и для него.

Если же считать суд частью системы правоохранительных органов, то о «судебной власти» и «судебном верховенстве» говорить не приходится.

С этой целью вернемся к ст. 118 Конституции РФ. Из ее смысла вытекает единственный вывод — уголовное судопроизводство, осуществляемое судом, есть один из путей реализации власти. Следовательно, любая процессуальная деятельность суда (судьи), связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, есть не что иное, как правосудие.

Заметим, что подобного рода намек был сделан И.В. Тыричевым, который, рассматривая принцип осуществления правосудия только судом, прямо указывал на то, что он распространяется на все судебные стадии уголовного процесса, т.е.

²³ См. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989.

²⁴ Ларин А.М. Указ. соч. С. 75.

²⁵ Бозров В.М. Основы уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография / В.М. Бозров. Екатеринбург: Уральская гос.

юридическая акад., 2012. 93 с.; Курс советского уголовного процесса. Общая часть. С. 424–425; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1994.

и на стадию назначения дела к слушанию.²⁶

Можно предвидеть, что этот вывод вызовет решительные возражения, а потому опять сошлемся на ст. 118 Конституции РФ, где вначале речь идет о правосудии, а лишь затем о судебной власти. Вложен ли какой-то смысл в такую очередность? Структура названной нормы позволяет вывести следующее соотношение данных понятий: правосудие — судебная власть — виды производства.

Из сказанного следует: 1) правосудие есть реализация судебной власти, которая осуществляется посредством судопроизводства вообще и уголовного в частности; 2) правосудие охватывает всю без исключения процессуальную судебную деятельность по уголовным делам вне зависимости от процессуальных стадий, ибо только в таком случае судебное верховенство будет являться единым принципом деятельности суда, влияющим на все стадии уголовного судопроизводства, а не локальным ее свойством.

Близкие суждения высказывали Т.Н. Добровольская и И.Л. Петрухин. При этом Т.Н. Добровольская осуществление правосудия в первой судебной стадии связывала только с коллегиальностью и с прекращением дела. И.Л. Петрухин же считал, что правосудие по уголовным делам осуществляется во всех судебных стадиях, вне зависимости от результата. При этом он включал и правосудие, и единоличную деятельность судьи в первую судебную стадию, разделяя эту деятельность на осуществление правосудия и процессуально-организационную подготовку к следующей стадии, относя к ней решение вопросов о вызове в суд экспертов, свидетелей и других лиц.²⁷

Соглашаясь с названными учеными в главном, заметим, что подход к определению границ правосудия с точки зрения коллегиальности уголовно-процессуальной деятельности и локальности решаемых ею задач ограничил бы неза-

висимость судей²⁸ при производстве по уголовному делу, поскольку часть их процессуальной деятельности оказалась бы за границами осуществления правосудия. Иначе говоря, в тех судебных стадиях, в которых отсутствует коллегиальность, а также при осуществлении контроля на судебных стадиях судьи уязвимы, на них можно оказывать давление при определении лиц, подлежащих вызову в суд, при возвращении дела прокурору, рассмотрении жалоб, санкционирование ареста и т.д. Но тогда теряется само содержание правосудия, тогда процессуальная независимость судей сохраняется лишь в стадии разрешения дела по существу в суде первой инстанции, а основополагающий конституционный принцип правосудия оказывается урезанным.

И здесь возвратимся к тому, с чего начали наше исследование — к вопросам сущности и содержания правосудия.

После принятия Конституции РФ термин «судебная власть» сразу оказался в центре внимания процессуалистов. При этом одни авторы связывают судебную власть с самими судебными органами и с их функциями, ставя ударение на соответствующие властные полномочия²⁹, другие делают попытку вывести суд из числа элементов судебной власти³⁰. Но все эти авторы не отрицают связи судебной власти с рассмотрением в суде дел, т.е. правосудием.

Ограниченный объем публикации не позволяет заняться серьезным анализом этой многофакторной, многоаспектной проблемы, поэтому остановимся лишь на некоторых ее общих, но ключевых моментах.

1. Ориентация на сугубо грамматический признак приводит к тому, что термины «судебная власть» и «правосудие» выглядят далеко не равнозначными.

²⁸ Терехин В.А. Судебная власть должна быть сильной и авторитетной // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 11—12.

²⁹ Кобликов А.С. Понятие и основные признаки судебной власти // Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 1997. С. 43; Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации / под ред. В.И. Швецова. М.: Проспект; ТЕИС, 1996. С. 30.

³⁰ Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М.: Бек, 1995. С. 33.

²⁶ Уголовно-процессуальное право РФ: учебник для вузов. С. 105.

²⁷ Добровольская Т.Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. С. 8; Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. С. 45—47.

Очевидно, что такой терминологический подход в юридических исследованиях весьма проблематичен, хотя в некоторых работах используется.³¹

2. Думается, как нет человека вне социального общения, так нет и правосудия без судебной власти. В противном случае судебная власть потеряет реальность ввиду отсутствия своего проводника.

С учетом этих двух положений попытаемся раскрыть взаимосвязь и взаимозависимость судебной власти и правосудия.

Общетеоретический момент (название условно) характеризует судебную власть во взаимоотношениях с остальными властными структурами. В этом плане судебную власть можно рассматривать как особый автономный социальный механизм, выполняющий роль специальной системы сдержек и противовесов относительно законодательной и исполнительной властей.³²

Данное положение общепризнанно и используется нами в качестве основополагающего, определяющего функциональную принадлежность судебной власти в государстве. Вместе с тем ограничиваться им нельзя, поскольку оно не раскрывает существа и процессуальных границ судебной власти.

Поэтому введем в проведенный анализ конкретно-научный момент. Суть его сводится к тому, что границы полномочий любого суда определяются требованиями закона о подсудности, т.е. судебная власть при осуществлении полномочий имеет установленные законом пределы. Названное свойство судебной власти обуславливается различными характеристиками уголовных дел, и в этой связи подсудность подразделяется на территориальную, предметную и специальную.³³ В конкретно-научном плане судебная власть играет организующую роль для

судебной системы в целом и каждого суда в отдельности.

Название этого положения конкретно-научно оправдано, потому что оно требует определенных теоретических знаний в их единстве с судебной практикой, т.е. применения достижений науки к конкретным жизненным ситуациям. Именно неразрешенность многих вопросов, связанных с пределами судебной власти, может привести к необоснованному отказу в осуществлении правосудия или к превышению судебными органами своих полномочий. Подобные ошибки (а возможно, и злоупотребления) обычно влекут за собой весьма существенные последствия, связанные с необеспечением охраны прав и свобод граждан.

С учетом изложенного следует сказать, что понятия «судебная власть» и «правосудие» органически взаимосвязаны и взаимообусловлены.³⁴ С одной стороны, правосудие можно рассматривать как механизм реализации судебной власти. Сама по себе судебная власть представляет собой установленные законом властные полномочия судебных органов. Но чтобы эти полномочия действовали, объективно необходимы определенные правовые механизмы. В противном случае судебная власть будет носить не более чем декларативный характер. Роль такого механизма и играет правосудие. С другой стороны, без судебной власти правосудие не будет иметь четко организационной системы, а задачи, поставленные перед ним, потеряют реальную значимость.

Для наглядности вышеприведенных тезисов охарактеризуем правосудие по уголовным делам следующим образом:

а) осуществление правосудия по уголовным делам есть реализация одного из видов государственной власти;

б) вид этой власти определяется высшим законом страны — Конституцией РФ (ст. 18);

в) носитель названной власти — суд, который осуществляет ее в особой процессуальной форме;³⁵

³¹ Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации. С. 36.

³² Эта мысль целиком и полностью подтверждается ст. 120 Конституции РФ, в которой говорится о независимости судей и подчинении их Конституции и федеральному закону, а также о полномочиях суда по прямому применению в известных случаях конституционных норм.

³³ Например, судебная власть военного суда гарнизона ограничена соответствующей территорией, воинскими частями, определенным комплексом преступлений, подведомственных этому суду, и соответствующими субъектами.

³⁴ В.М. Савицкий полагал, что эти слова — не синонимы, в то же время не разграничивал их, хотя считал, что они «выражают одно и то же» (Конституция РФ: Комментарий. М., 1994. С. 499).

³⁵ Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Указ. соч. ; Курс советского уголовного процесса: Общая часть. С. 26–27 ; Петрухин И.Л., Батуров Г.П.,

г) правосудие по уголовным делам есть принудительная форма реализации соответствующих норм материального права, завершающаяся актом правоприменительного свойства.

Вместе с тем правосудие по уголовным делам имеет свои, лишь для него характерные частные признаки:

1) правосудие по уголовным делам как явление воспринимается только в форме уголовно-процессуальной деятельности, а уголовно-процессуальная деятельность есть форма жизни правосудия;³⁶

2) единственным предметом правосудия по уголовному делу является уголовное дело, возбужденное по факту действительного или предполагаемого события преступления.

Касательно границ судебной власти уже выше подчеркивалось, что они определяются законом о подсудности. Однако этот закон дает только общие ориентиры. Поэтому уголовное дело наделяется свойством, которое назовем свойством подсудности. Именно оно позволяет конкретизировать полномочия суда по рассмотрению уголовного дела, дает основания отнести уголовное дело к предмету правосудия;

3) правосудие по уголовным делам осуществляется в двух установленных законом формах: обычной (единоличное³⁷ или коллегиальное рассмотрение

уголовных дел) и с участием присяжных заседателей;

4) правосудие по уголовным делам непосредственно связано с осуществлением контроля за законностью актов предварительного расследования.

Первый вид контроля осуществляется в стадии предварительного расследования и распространяется только на акты органов предварительного расследования. Второй вид контроля реализуется в первой судебной стадии (назначения судебного разбирательства) и распространяется на все без исключения материалы уголовного дела;

5) в правосудии по уголовным делам, в отличие от других видов правосудия, не просто наличествует, но ярко выражен карательный аспект, что обусловлено рядом факторов, важнейшим из которых можно считать обеспечение справедливого возмездия за совершенное преступное деяние. Здесь справедливость прямо зависит от процессуальных границ судебной власти;

6) правосудие по уголовным делам коренным, существенным образом вторгается в судьбы людей, оказавшихся на скамье подсудимых. Именно в этом плане особую актуальность приобретает положение ст. 47 Конституции РФ, гарантирующее право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Думается, что данное положение адресовано в первую очередь правосудию по уголовным делам;

7) итоговым правоприменительным актом правосудия по уголовным делам обычно является судебный приговор, посредством которого оно реагирует на нарушение преступным деянием справедливости и с определенной долей условности обеспечивает ее торжество.

Таким образом, правосудие по уголовным делам как вид правосудия включает в себя разрешение уголовного дела по существу, а также иную процессуальную деятельность суда (судьи) по уголовному делу и в связи с уголовным делом в целях разрешения в соответствии с законом возникших споров о праве во всех без исключения стадиях.

МоршакOVA Т.Г. Указ. соч. С. 43 ; Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для вузов / под редакцией В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 1997. С. 40–52 ; Семенов В.М. Указ. соч. С. 7–8 ; Строгович М.С. Указ. соч. С. 14 ; Судебная власть и правосудие в Российской Федерации. С. 472–504 ; Судебное устройство и правоохранительные органы в Российской Федерации. С. 23–33 ; Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в СССР. Саратов, 1987. С. 29 ; и др.

³⁶ Об анализе связи процессуальных форм с господствующими материальными общественными отношениями см.: Маркс К., Энгельс В. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М. : Государственное изд-во политической литературы, 1955. С. 137, 156.

³⁷ Едиличное рассмотрение уголовных дел мы не выделили в отдельную форму, поскольку оно осуществляется в той же процессуальной форме, что и коллегиальное.

Литература

1. Актуальные проблемы организации деятельности суда / под редакцией В.М. Бозрова. Москва : Юстиция, 2017. 568 с.

2. Анишина В.И. Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации : курс лекций / В.И. Анишина. Москва : Эксмо, 2008. 270 с.
3. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография / В.М. Бозров. Екатеринбург : Уральская гос. юридическая акад., 2012. 93 с.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский ; вступительная статья Э.Ф. Куцовой. Москва : Городец, 1997. 447 с.
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс : учебное пособие / Н.В. Витрук. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010. 592 с.
6. Власов В.И. Философия правосудия в диалогах / В.И. Власов. Москва : Издательство РАГС, 2010. 335 с.
7. Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI — первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири) : монография / В.А. Воропанов. Москва : Проспект, 2016. 451 с.
8. Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы : учебник для студентов вузов / К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев ; под редакцией К.Ф. Гуценко. Москва : Бек, 1995. 307 с.
9. Дмитриев Ю.А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю.А. Дмитриев, Г.Г. Черемных // Государство и право. 1997. № 8. С. 44–50.
10. Дмитриев Ю.А. Судебная власть в гражданском обществе / Ю.А. Дмитриев // Судебная власть: надежды и реальность : сборник научных статей / редколлегия: В.М. Савицкий (пред.) [и др.]. Москва : Манускрипт, 1993. 149 с.
11. Добровольская Т.Н. Советское правосудие на современном этапе развернутого строительства коммунизма : автореферат диссертации доктора юридических наук / Т.Н. Добровольская. Москва, 1965. 34 с.
12. Ершов В.В. Суд в системе органов государственной власти / В.В. Ершов // Российское правосудие. 2006. № 1. С. 39–52.
13. Жилин Г.А. О понятии правосудия по гражданским делам / Г.А. Жилин // Российское правосудие. 2008. № 4. С. 4–20.
14. Загорский Г.И. Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Курс лекций. Общая часть / Г.И. Загорский, В.В. Хатуаева. Москва : Проспект, 2018. 135 с.
15. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальные функции / З.З. Зинатуллин. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1994. 94 с.
16. Кобликов А.С. Понятие и основные признаки судебной власти / А.С. Кобликов // Правоохранительные органы Российской Федерации / под редакцией В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Спарк, 1997. С. 43.
17. Кобликов А.С. Судебная политика и способы ее реализации / А.С. Кобликов // Современное государство и право. 1991. № 6. С. 69–75.
18. Колоколов Н.А. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве / Н.А. Колоколов, С.Г. Павликов. Москва : Юрлитинформ, 2007. 306 с.
19. Комаров А.А. Социальная сущность суда / А.А. Комаров // Вестник арбитражного суда. 2009. № 2. С. 27–32.
20. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под редакцией А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. Москва : Юридическая литература, 1989. 638 с.
21. Ларин А.М. Наш инквизиционный процесс / А.М. Ларин // Судебная власть: надежды и реальность : сборник научных статей / редколлегия: В.М. Савицкий (пред.) [и др.]. Москва : Манускрипт, 1993. 149 с.
22. Маркс К. Сочинения. В 39 томах. Т. 1 / К. Маркс, В. Энгельс. 2-е изд. Москва : Государственное изд-во политической литературы, 1955. 728 с.
23. Масликова И.С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / И.С. Масликова. Москва, 1997. 217 с.
24. Мизулина Б.М. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия / Б.М. Мизулина // Государство и право. 1992. № 4. С. 52–61.
25. Модели правосудия : сборник научных статей. Выпуск 4 / редколлегия: М.В. Немытина [и др.]. Саратов : Научная книга, 2008. 372 с.

26. Нажимов В.П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.П. Нажимов. Воронеж, 1971. 42 с.
27. Петрухин И.Л. Правовое государство и правосудие / И.Л. Петрухин // Современное государство и право. 1991. № 1. С. 19–29.
28. Петрухин И.Л. Принципы правосудия и судебское усмотрение / И.Л. Петрухин // Судебная власть: надежды и реальность : сборник научных статей. Москва : Манускрипт, 1993. С. 46–59.
29. Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. Москва : Наука, 1979. 392 с.
30. Правоохранительные органы в Российской Федерации / под редакцией В.М. Бозрова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2015. 424 с.
31. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник для вузов / под редакцией В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Спарк, 1997. 399 с.
32. Правосудие в современном мире / под редакцией В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. 719 с.
33. Ржевский В.А. Судебная власть в конституционной системе разделения властей / В.А. Ржевский, Н.М. Чепурнова // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 3.
34. Ржевский В.А. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности / В.А. Ржевский, Н.М. Чепурнова. Москва : Юристъ, 1998. 214 с.
35. Российское законодательство X–XX веков : в 9 томах. Т. 8 : Судебная реформа / О.И. Чистяков, Б.В. Виленский. Москва, 1991. 495 с.
36. Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации : учебное пособие для вузов / В.М. Савицкий. Москва : Бек, 1996. 313 с.
37. Савицкий В.М. Проблемы социалистического правосудия в свете новой Конституции СССР / В.М. Савицкий // Проблемы правосудия и уголовного права : сборник статей / редколлегия: А.М. Ларин [и др.]. Москва : ИГПИАН, 1978. 187 с.
38. Северин Ю.Д. Концепция эффективности уголовного правосудия должна служить его перестройке / Ю.Д. Северин // Современное государство и право. 1988. № 4. С. 3–44.
39. Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР / В.М. Семенов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юридическая литература, 1984. 319 с.
40. Слепченко Е.В. Административное судопроизводство: понятие, единство и дифференциация / Е.В. Слепченко // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 51–57.
41. Слепченко Е.В. Конституционное судопроизводство: понятие, особенности / Е.В. Слепченко // Юридический мир. 2009. № 2. С. 17–24.
42. Стецовский Ю.И. Судебная власть : учебное пособие / Ю.И. Стецовский. Москва : Дело, 1999. 398 с.
43. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Москва : Наука, 1968. 470 с.
44. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций : для судебной системы РФ / под редакцией В.В. Ершова. Москва : Российская академия правосудия, 2011. 900 с.
45. Судебная реформа в России на рубеже XX–XXI веков : монография / Б.Н. Алейников [и др.] ; под редакцией В.А. Терехина. Москва : Юрлитинформ, 2017. 372 с.
46. Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации / под редакцией В.И. Швецова. Москва : Проспект ; ТЕИС, 1996. 348 с.
47. Терехин В.А. Судебная власть должна быть сильной и авторитетной / В.А. Терехин // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 11–12.
48. Терехин В.А. Функции судебной власти в механизме Российского государства : монография / В.А. Терехин, А.А. Герасимова. Москва : Юрлитинформ, 2015. 292 с.
49. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов / Л.Б. Алексеева [и др.] ; под редакцией П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 1997. 590 с.
50. Филиппов П.М. Судебная защита и правосудие в СССР / П.М. Филиппов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 181 с.
51. Эффективность правосудия и судебная защита : некоторые теоретические и практические аспекты : материалы второй научно-практической межрегиональной конференции / ответственные редакторы О.А. Егоров и Ю.Р. Беспалов. Москва : Проспект, 2011. 167 с.

Проблема идентификации национальных правовых систем в условиях глобализации

Напалкова Ирина Георгиевна,

заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
napalkova-ig@mail.ru

В статье исследуются проблемы сохранения культурно-исторической идентичности правовых систем современности, защиты государственного суверенитета в условиях интеграции и глобализации. Особое внимание уделяется характеристике особенностей российской правовой системы, ее уникальности и своеобразия, необходимости формирования общенациональной идеологии, отражающей интересы многонационального российского народа, его представлений о духовных ценностях.

Ключевые слова: право, правовая система, идентификация, государственный суверенитет, правовая культура, правосознание, духовные ценности.

The Issue of Identification of National Legal Systems in Conditions of Globalization

Napalkova Irina G.

Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Rostov State University of Economics (RSUE)
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article investigates the problems of preservation of cultural and historical identity of the legal systems of modernity, the protection of state sovereignty in the context of integration and globalization. Particular attention is paid to the characteristics of the Russian legal system, its uniqueness and originality, the need to form a national ideology that reflects the interests of the multinational Russian people, their ideas about spiritual values.

Keywords: law, legal system, identification, state sovereignty, legal culture, legal consciousness, spiritual values.

Главной особенностью современно-го мирового развития является активное взаимодействие правовых систем, на основе которого формируется единое мировое пространство и в то же время возникают проблемы сохранения культурно-исторической и национальной идентичности конкретных правовых систем. Эти противоположные тенденции в развитии современного мира связаны с усилением интеграции и других глобализационных процессов, в которые вовлекаются современные государства. Опыт многих государств свидетельствует о том, что международные правовые стандарты, механически переносимые в национальные правовые системы, не всегда органично вписываются в них,

поскольку не учитывают их своеобразие и специфику, не соответствуют правосознанию конкретного общества.

Право как один из важнейших элементов духовной культуры общества является главным инструментом обеспечения его стабильности, эффективности в условиях нарастающих процессов глобализации. Культурологический аспект права приобретает особую актуальность, позволяет в процессе сравнительной характеристики идентифицировать конкретные национальные правовые системы, исследовать тенденции их развития и направления взаимодействия.

В современной юридической науке сформировались различные научные

подходы к определению понятия правовой системы общества. Как сложное многоаспектное, специфическое образование правовая система общества представляет собой правовой феномен, позволяющий исследовать все аспекты права и связанные с ним правовые явления и процессы, существующие в современном реформирующемся обществе и образующие целостную правовую действительность. Это означает, что, отражая тесную взаимосвязь многочисленных правовых явлений конкретного государства с правом как основополагающим элементом изучаемой правовой реальности, правовая система выступает в качестве комплексной категории, интегрирующей правовую жизнь государства и выражающей ее своеобразие, особенности и специфику.

Правовая система как комплексное образование в широком смысле определяется как совокупность внутренних взаимосвязанных, социально однородных правовых явлений, выполняющих определенную роль в правовом регулировании общественных отношений и обеспечивающих реализацию целей конкретного общества¹.

Правовую систему можно охарактеризовать и как сложный комплекс правовых явлений и процессов, основанный на выборе базисного для данного национального сообщества стиля правового мышления².

Правовая система национального государства, подвергающаяся влиянию международного права, формируется как совокупность правовых явлений и процессов внутригосударственного и международного характера, которая создается под влиянием внешней среды и оказывает на нее значительное обратное воздействие. Анализ структурных элементов правовой системы позволяет выявить ее формальную и содержательную стороны.

¹ Байтин М.И. Сущность права. Саратов, 2001. С. 155–156.

² Захарова М.В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // Lex Russica. 2008. № 2. С. 243–259.

Формальная сторона правовой системы включает в себя позитивное право, всю нормативно-правовую сферу общества. Институциональная характеристика правовой системы связана с процессами правовой регламентации правотворческого и правореализационного процесса. Формальная составляющая правовой системы в первую очередь подвержена воздействию внешней среды и способна изменяться и совершенствоваться.

Содержательная сторона правовой системы определяется ценностными аспектами правовой реальности и включает в себя правопонимание, правовую культуру, правосознание, культурно-историческое своеобразие становления правовой системы. Содержательная сторона правовой системы определяет характер формальных процессов, происходящих в ее структуре.

Глобализация рассматривается в современной юридической науке как системная, разноуровневая, многоаспектная интеграция многочисленных государственно-правовых, экономических, финансовых, политических институтов современного мира³.

В современной науке сформировалась позиция, согласно которой процессы глобализации зародились на ранних стадиях развития первых цивилизаций. Другие исследователи полагают, что глобализация представляет собой новое явление современного мира, связанное с развитием международных экономических, политических и других процессов, возникающих лишь на глобальном этапе развития общества. Существует и промежуточная научная позиция, полагающая, что глобализация — это одновременно и история, и современность.

Несмотря на различие во взглядах, во всех научных воззрениях глобализация рассматривается как объективный, естественный процесс создания новой всемирной системы взаимосвязи, взаимобусловленности государственных об-

³ Философия права. В 2 т. Т. 2 : курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. С. 233.

разований и их национальных правовых систем. Но следует отметить, что существует определенная грань между глобализацией как эффективной тенденцией планетарного масштаба и глобализмом как негативным мировоззрением, порождающим движение антиглобализма⁴.

Вполне возможно, что глобализм как позитивная тенденция, возникшая на ранних этапах развития общества как естественный процесс, влияет на развитие государственно-правовых систем на всех исторических этапах становления и развития цивилизации, а глобализм как планетарное мировоззрение оказывает свое воздействие на национальные государства лишь в последние периоды развития современной цивилизации.

Факторы глобального характера оказывают значительное влияние на национальные правовые системы. Важнейшей тенденцией в эпоху глобализации в данной сфере является интернационализация права национальных государств. Следует отметить и процесс конституционализации сформировавшегося международного права, связанный с закреплением международных общепринятых норм и принципов в конституциях национальных государств и инкорпорированием их в систему законодательства. Особое значение в современных условиях приобретает конституционализация внешней политики национальных государств⁵.

В научной литературе встречается немало положений, рассматривающих национальное государство и его правовую систему лишь как совокупность учреждений, управляющих обществом и отвергающих понимание государства как института, наделенного суверенитетом и государственно-властными полномочиями.

В зарубежной литературе формируются неолиберальные концепции, влияющие на изменение положения национальных государственно-правовых институтов в пользу таких проявлений глобализма, как транснациональные, рыночные, финансовые международные институты. Появляются идеи о создании общемировой однополюсной системы управления, ликвидации суверенитета и независимости национальных государств, о стирании границ и формировании единого геополитического пространства. Эти идеи носят утопический характер, так как развитие государственно-правовых институтов различных государств привело к созданию уникальных цивилизаций, установлению взаимных связей между ними и не привело в конечном счете к их унификации и единообразию.

Национальные государства в условиях глобализации продолжают защищать свой суверенитет, свои национальные интересы. Понимание суверенитета как единства двух его сторон — юридического и фактического аспектов — предложено М.Н. Марченко. Он полагает, что юридический аспект выражает своеобразную форму государственного суверенитета как явления, а фактический аспект суверенитета составляет его материальное содержание⁶.

Такой научный подход позволяет рассматривать государственный суверенитет дифференцированно, с точки зрения его формы, сущности и содержания. Смысл и содержание государственного суверенитета сводятся к признанию верховенства государственной власти внутри страны и утверждению независимости государственной власти во взаимоотношениях с другими суверенными государствами.

Перед лицом глобальных проблем, решаемых в условиях дальнейшей интернационализации государственных функций, возникает вопрос о сохранении и обеспечении государственного

⁴ Неклесса А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // *Философия хозяйства*. 2002. № 1 (19). С. 110.

⁵ См.: Лукашук И.И. *Глобализация, государство, право*, XXI век. М., 2000. 280 с.

⁶ Марченко М.Н. *Проблемы общей теории государства и права*. В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 454.

суверенитета, территориальной целостности, верховенства государственной власти конкретных государств и их национальных правовых систем. Социальная сущность и содержание российской государственности могут совершенствоваться, но не могут быть изменены под влиянием процессов глобализма, так как они сформировались под воздействием внутренних субъективных и объективных факторов⁷.

В современной юридической науке сложились две противоположные концепции влияния глобализма на суверенитет национального государства. Одни авторы считают, что глобализация стирает границы и разрушает государственный суверенитет. Другие ученые полагают, что государственный суверенитет устойчив к процессам глобализации и является объективной закономерностью развития общества.

Обращаясь к анализу исторического опыта, следует отметить, что глобализационные процессы являются закономерным, объективным явлением в условиях становления и развития цивилизации, охватывают все стороны общественной жизни, и их негативная оценка была бы односторонней и неконструктивной. В современных условиях необходимо учитывать международные принципы, сложившиеся стандарты, понимать необходимость осуществления определенной трансформации российской государственно-правовой политики.

Необходимо осуществлять активное участие государства в процессах глобализации и формировать научно обоснованные правовые формы защиты российских традиционных ценностей, норм, особенностей правовой культуры, ментальности, а также обеспечивать реализацию и других национальных интересов.

Каждый народ имеет право жить в соответствии со своими обычаями, историческими традициями, ценно-

стями, нормативными установлениями, определять свое государственное устройство, форму правления, политический режим. Ценности, имеющие общечеловеческое значение, должны быть добровольно восприняты народами различных государств. Это положение не означает противопоставления отечественных интересов интересам других народов и общим интересам мирового сообщества, а напротив, может способствовать развитию глобальной целостности и гармоничному сочетанию общих целей и интересов.

Современное национальное государство, являясь полноценным субъектом международного права, сохраняет свой государственный суверенитет и своеобразие национальной правовой системы. Но надгосударственные организации стремятся ограничить национальные государства в их праве самостоятельно решать свои внутренние задачи, пытаются диктовать свои условия и ограничить их суверенитет.

В условиях глобализации действительно может происходить объективное сокращение свободы действий государства, но это не означает утраты государственного суверенитета. Государство, напротив, получает дополнительные прерогативы, функции на международной арене и внутри своего государства. Наднациональные регулятивные процессы расширяют возможности национального государства воздействовать на стихийные процессы и тем самым укреплять свой государственный суверенитет.

В процессах воздействия глобализации на национальные государственно-правовые институты происходит опережающее влияние функциональной стороны глобализации, связанной с системой факторов интеграционного характера. В то же время происходит отставание ее институциональной стороны, характеризующейся системой институтов, порождаемых глобализацией⁸.

⁷ Философия права. В 2 т. Т. 2: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. С. 262.

⁸ См.: Марченко М.Н. Указ. соч. С. 415.

Отставание в развитии институциональной стороны от функциональной стороны глобализации современного мира вызывает озабоченность среди ученых о возможном наступлении хаоса, неустойчивости в глобализующемся мировом пространстве. Однако, как полагает М.Н. Марченко, опасность неустойчивости современного мира кроется скорее в искусственной драматизации данного факта и последующих за этим попытках навязывания миру требований наднациональных институтов, обслуживающих интересы лишь отдельных олигархических групп или стран. В настоящее время возникает проблема навязывания многим государствам во вред их национальным интересам наднациональных систем регулирования. В современном мире происходит определенное давление на национальные правовые системы, связанное с приведением их законодательства в соответствие со стандартами международных организаций, таких как Международный валютный фонд, Мировая торговая организация, Международный банк и др.

В современных условиях необходима дальнейший поиск самостоятельных форм развития российской правовой системы, а также развитие в российской правовой науке доктрины правопонимания, обеспечивающей возможность

выявления закономерностей для определения идентификации российской правовой системы. Актуальным направлением совершенствования правовой системы российского государства должно стать развитие правовой культуры народов России. Только глубинное правосознание населения может обеспечить сопоставимый с западными правовыми обществами результат в правовой культуре России⁹.

Реформирование российской правовой системы связано с необходимостью решения важнейшей задачи: нахождения способов формирования духовного единения людей на основе определения их культурно-исторической идентификации, потребности личности осознавать себя частью конкретного сообщества и, как следствие, — потребности национальной правовой системы быть частью правовой семьи. Важнейшей необходимостью становится формирование общенациональной идеологии российского государства, отражающей интересы его многонационального народа, его представлений о духовных ценностях. Именно в духовно-культурной сфере следует искать основы уникальности, своеобразия российского государства и его национальной правовой системы.

⁹ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.

Литература

1. Байтин М.И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М.И. Байтин. Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2001. 416 с.
2. Захарова М.В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития / М.В. Захарова // Lex Russica. 2008. № 2. С. 243–259.
3. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И.И. Лукашук. Москва : Спарк, 2000. 280 с.
4. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. В 2 томах. Т. 1 / М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2011. 752 с.
5. Неклесса А.И. Глобализация и новое геэкономическое мироустройство / А.И. Неклесса // Философия хозяйства. 2002. № 1 (19). С. 110.
6. Синюков В.Н. Российская правовая система : введение в общую теорию / В.Н. Синюков. Саратов : Полиграфист, 1994. 496 с.
7. Философия права. В 2 томах. Т. 2 : курс лекций / ответственный редактор М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2011. 512 с.

Об административных и судебных процедурах, связанных с принудительным медицинским вмешательством в отдельных скандинавских странах (Королевство Норвегия и Королевство Швеция)

Соловьёв Андрей Александрович,

заместитель председателя Арбитражного суда Московской области,
 профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства
 Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
 профессор кафедры теории и истории государства и права
 Московского педагогического государственного университета (МПГУ),
 доктор юридических наук
sportlaw2014@rambler.ru

Статья посвящена исследованию зарубежного опыта правовой регламентации административных и судебных процедур, связанных с принудительным медицинским вмешательством, на примере двух скандинавских стран: Королевства Норвегии и Королевства Швеции.

Автор подробно анализирует ключевые нормативные предписания законов Норвегии и Швеции, регулирующих соответствующие процедуры, детально останавливается на вопросах, связанных с оказанием различных видов принудительной медицинской помощи, а также выполнением соответствующих контрольных функций как административными, так и судебными органами.

Ключевые слова: зарубежный опыт, административное судопроизводство, административные и судебные процедуры, принудительное медицинское вмешательство, психическое здоровье, Королевство Норвегия, Королевство Швеция.

On Administrative and Judicial Procedures Related to Forced Medical Treatment in Some Scandinavian Countries (the Kingdom of Norway and the Kingdom of Sweden)

Solovyev Andrey A.

Deputy Presiding Judge of the Commercial Court of the Moscow Region
 Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings
 of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 Professor of the Department of Theory and History of State and Law
 of the Moscow State University of Education (MSPU)
 LL.D.

The article is dedicated to the research of foreign experience in legal regulation of administrative and court proceedings pertinent to involuntary hospitalization on example of two Scandinavian countries, i.e. the Kingdom of Norway and the Kingdom of Sweden.

The author thoroughly analyzes key statutory directives of the laws of Norway and Sweden that regulate the respective procedures, dwells on the issues connected with provision of various kinds of medical aid, as well as exercising of the relevant supervisory functions by the administrative and court organs.

Keywords: foreign experience, administrative and court proceedings, involuntary hospitalization, mental health, the Kingdom of Norway, the Kingdom of Sweden.

Настоящая статья посвящена весьма актуальной теме правовой регламентации административных и судебных

процедур, связанных с принудительным медицинским вмешательством.

Говоря об отечественном правовом регулировании рассматриваемой проблематики, необходимо отметить ряд нормативных актов, относящихся к сфере материального и процессуального права, а именно:

— Конституцию Российской Федерации¹ (ст. 22, 41, 55);

— Гражданский кодекс Российской Федерации² (в частности гл. 3);

— Федеральный закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»³;

— Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»⁴;

— Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁵;

— Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶;

— Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации⁷ (гл. 30, 31, 31.1).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (ред. от 19.07.2018) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Значительная работа в данной области проводится и органами судебной власти. Председатель Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедев, выступая 20 сентября 2018 г. на международной научно-практической конференции «Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития», отметил, что в рамках проводимой Верховным Судом Российской Федерации работы по совершенствованию судебной практики в сфере правосудия по административным делам готовятся разъяснения положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке,⁸ а 26 ноября 2019 г. Верховным Судом Российской Федерации было принято Постановление Пленума № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке»⁹.

Вместе с тем представляется небезынтересным обратиться к зарубежному опыту правового регулирования административных и судебных процедур, связанных с принудительным медицинским вмешательством.

Сразу оговоримся, что в зарубежных государствах такого рода меры могут использоваться в отношении лиц, страдающих опасными инфекционными заболеваниями и различными зависимостями, однако в большинстве стран они применяются в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами.

В качестве примера рассмотрим две скандинавские страны: **Королевство Норвегию** и **Королевство Швецию**.

⁸ Лебедев В.М. Становление административного судопроизводства имеет важное значение для развития общества и государства в целом // Судья. 2018. № 11. С. 5.

⁹ Постановление Пленума от 26 ноября 2019 г. № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» // СПС «КонсультантПлюс».

Законодательство **Норвегии** разрешало принудительное лечение уже с 1961 г. В 1998 г. была запущена всесторонняя национальная программа охраны психического здоровья населения. В ее рамках принято новое законодательство об охране психического здоровья, начавшее действовать в 2001 г. До этого момента **принудительное амбулаторное лечение могло быть осуществлено только после проведения принудительного лечения в госпитале**. Согласно новым положениям, пациентам может быть назначено принудительное амбулаторное лечение без необходимости предварительной госпитализации¹⁰.

В настоящее время в рассматриваемой сфере в Норвегии действуют два релевантных нормативных правовых акта:

— Закон Норвегии от 1999 г. № 62 «Об охране психического здоровья» (с изменениями и дополнениями) (далее — Закон Норвегии № 62)¹¹;

— Закон Норвегии от 1999 г. № 63 «О правах пациентов» (с изменениями и дополнениями) (далее — Закон Норвегии № 63)¹².

Согласно Закону Норвегии № 63, любое лицо, вступившее в контакт с органами здравоохранения с целью получения медицинской помощи, имеет право на лечение. **Это лечение может предоставляться только с согласия пациента, кроме случаев, когда возникают правовые основания для осуществления принудительного лечения**. При этом согласие на лечение может быть отозвано в любой момент, что означает, что пациент также имеет право отказываться от лечения.

¹⁰ Sjöström S., Zetterberg L., Markström U. Why community compulsion became the solution — reforming mental health law in Sweden // International Journal of Law and Psychiatry. 2011. Vol. 34. № 6. P. 421–422.

¹¹ Закон Норвегии от 1999 г. № 62 «Об охране психического здоровья» [Lov om etablering og gjennomføring av psykisk helsevern (psykisk helsevernloven)]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1999-07-02-62>

¹² Закон Норвегии от 1999 г. № 63 «О правах пациентов» [Lov om pasient- og brukerrettigheter (pasient- og brukerrettighetsloven)]. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1999-07-02-63>

Данному вопросу посвящен параграф 4.3 данного нормативного правового акта.

Указанный параграф предусматривает, что право на предоставление обязательного согласия на лечение перестает применяться полностью или частично, если пациент в связи с физическим или психическим расстройством, сенильной деменцией или умственной отсталостью явно способен осознавать, что подразумевает такое согласие.

Обязанность по определению способности пациента давать указанное выше согласие возлагается на лицо, обеспечивающее его медицинское обслуживание.

Медицинский персонал должен, исходя из возраста пациента, его психического состояния, опыта, принимать максимально возможные меры для получения согласия пациента на медицинское обслуживание.

Освидетельствование и лечение психических заболеваний у лиц, у которых предполагается наличие серьезного психического заболевания и неспособность понять, что подразумевает согласие, и которые в результате отказываются от предоставления медицинской помощи, могут осуществляться исключительно на основании гл. 3 Закона Норвегии № 62, регламентирующей порядок оказания недобровольной психиатрической помощи.

При этом специалист в области психиатрии, ответственный за принятие административных решений по вопросам применения мер, связанных с принудительным медицинским вмешательством, должен быть врачом с соответствующей квалификацией. В частности, такое лицо должно быть врачом-психиатром или клиническим психологом с необходимым опытом работы и дополнительным образованием¹³.

С 1 января 2007 г. Закон Норвегии № 62 был дополнен положением, согласно которому гл. 4 Закона Норвегии № 63

¹³ Diseth R.R., Høglend P.A. Potential legal protection problems in the use of compulsory commitment in mental health care in Norway // International Journal of Law and Psychiatry. 2011. Vol. 34. № 6. P. 394.

(о согласии на лечение) не применяется в случае принудительного психиатрического лечения.

Кроме того, в данном нормативном правовом акте закреплён ряд положений об условиях принятия решений о принудительной госпитализации. К примеру, в параграфе 3.3 Закона Норвегии № 62 «Об охране психического здоровья» определено, что ответственный специалист в области психиатрии принимает решение на основании имеющейся информации и результатов проведенного им лично осмотра пациента. Решение ответственного специалиста в области психиатрии и основания для вынесения этого решения немедленно фиксируются. Пациент имеет право обжаловать решение о принудительной госпитализации, но только после того, как эта госпитализация была осуществлена.

Обследовать пациента должны два врача-психиатра, один из которых не связан с психиатрическим учреждением, в которое госпитализируется пациент.

Наконец, даже если изложенные в законе условия соблюдены, **принудительные психиатрические медицинские меры могут применяться только тогда, когда после всесторонней оценки они являются наилучшим решением в интересах пациента** (кроме случаев, когда он представляет очевидную и серьезную угрозу жизни и здоровью других). При проведении оценки особое внимание должно быть уделено тому, насколько значительным ограничением окажется принудительная медицинская помощь для соответствующего лица.

Наконец, принудительные психиатрические медицинские меры не могут применяться, если до этого не была предпринята попытка предоставления такой помощи на добровольной основе, от которой пациент отказался, или если очевидно, что это было бы бесполезно (с учетом изложенных выше оснований в отношении пациента не подлежит применению право на предоставление обязательного согласия на лечение).

Таким образом, **подобного рода решения в Норвегии во многом основыв-**

аются на личных суждениях врачей-психиатров¹⁴.

При этом контроль за решениями врачей о принудительной госпитализации осуществляет **специальный административный орган — Контрольная комиссия**, которая проводит проверку, в том числе соблюдения всех процедурных требований, рассматривает вопросы защиты прав пациентов, утверждает программы их лечения.

Особо отмечено, что даже при отсутствии жалоб от пациента Контрольная комиссия через три месяца после принятия решения о госпитализации обязана по собственной инициативе проверить наличие оснований для дальнейшего применения соответствующих мер.

Принудительные психиатрические медицинские меры в отношении пациента могут длиться не более одного года, если Контрольная комиссия не примет решение о необходимости их продления. Такое продление возможно не более чем на один год и может производиться неоднократно (параграф 3.8 Закона Норвегии № 62).

Теперь остановимся на опыте **Королевства Швеции**.

Принятие в Швеции **Акта о принудительной психиатрической помощи** в 1966 г. впервые провело четкое законодательное разграничение между принудительным и добровольным лечением. Этот акт в числе прочего содержал положения о своего рода **«условном освобождении» из психиатрического учреждения**, требующем от госпитализированных пациентов согласия на определенные условия и прохождение лечения перед выпиской. В число типовых условий входили инъекции нейролептических средств в амбулаторной клинике и осуществление контроля квалифицированным специалистом. Такие условия могли налагаться на срок до шести месяцев, который мог быть продлен специальной комиссией еще на шесть месяцев¹⁵.

На фоне озабоченности угнетающими аспектами психиатрической

¹⁴ Diseth R. R., Høglend P. A. Указ. соч.

¹⁵ Sjöström S., Zetterberg L., Markström U. Указ. соч. P. 422.

помощи и прав пациентов в 1970-х годах в Швеции начался уход от госпитализации в сфере психиатрических услуг. В этих условиях в 1990-х годах были приняты новые, и ныне действующие, законы:

— Закон Швеции № 1128 от 1991 г. (в ред. от 2018 г.) «О психиатрической помощи» (далее — Закон Швеции № 1128);¹⁶

— Закон Швеции № 1129 от 1991 г. (в ред. от 2017 г.) «О судебно-психиатрической помощи» (далее — Закон Швеции № 1129)¹⁷.

Согласно этим актам, административные суды рассматривают дела пациентов не позднее чем через четыре недели после госпитализации, а затем пересматривают их не реже чем каждые шесть месяцев.

Институт освобождения принудительно госпитализированного пациента из психиатрической клиники на определенных условиях прохождения лечения был упразднен в 1991 г. Тем не менее новое законодательство в этой сфере содержит положения, предусматривающие возможность предоставления пациентам временного освобождения (отпуска) при соблюдении схожих условий. Целью этих положений является **способствование переводу пациентов со стационарного принудительного лечения на амбулаторное**¹⁸.

Как отмечается многими авторами, реформа в Швеции проходила под лозунгами общественной этики и социальной справедливости: провозглашались взгляды, согласно которым психически недееспособные люди должны иметь те же права, что и физически недееспособные. После реформирования лица,

страдающие психическими расстройствами, в Швеции уже не подвергаются дискриминации.

Основанием для стационарной помощи в Швеции является лишь острая потребность в лекарственной терапии, которую невозможно провести в другом месте. Отмечено, что 80% пациентов специализированная психиатрическая помощь оказывается амбулаторно. Время пребывания в шведском стационаре не превышает обычно 30 дней, а в среднем составляет две недели¹⁹.

Ключевым нормативным правовым актом в рассматриваемой области является Закон Швеции № 1128.

В 2006 г. национальный координатор психиатрической службы представил меморандум, предлагающий введение «медико-социальной помощи с особыми условиями». При этом он указывал, что такая инициатива была необходима для адаптации законодательства к современным реалиям, подразумевающим частое использование временного освобождения из лечебных учреждений в совокупности с нарушением пациентами программы приема назначенных им лекарственных средств. Кроме того, национальный координатор утверждал, что пациентам, освобожденным от ответственности судом по причине наличия психических расстройств, в частности, требуется более длительный переходный период²⁰.

Парламент принял соответствующие поправки в законодательство в 2008 г. В качестве цели реализации новых норм он указал на способствование переходу к новому виду амбулаторной медико-социальной помощи и снижение необходимости в повторных принудительных госпитализациях. Согласно законодательным новеллам, **принудительное амбулаторное лечение может быть назначено только после проведения стационарного принудительного лечения и только после того, как главный психиатр учреждения подаст соответству-**

¹⁶ Закон Швеции № 1128 от 1991 г. (в ред. от 2018 г.) «О психиатрической помощи» [Lag (1991:1128) om psykiatrisk tvångsvård]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-19911128-om-psykiatrisk-tvangsvard_sfs-1991-1128

¹⁷ Закон Швеции № 1129 от 1991 г. (в ред. от 2017 г.) «О судебно-психиатрической помощи» [Lag (1991:1129) om rättspsykiatrisk vård]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-19911129-om-rattspsykiatrisk-var_d_sfs-1991-1129

¹⁸ Sjöström S., Zetterberg L., Markström U. Указ. соч. P. 422.

¹⁹ Деинституализация психиатрической помощи в Европе. URL: <https://neuronews.com.ua/ru/issue-article-150/Deinstitutionalization-of-psychiatric-care-in-Europe#gsc.tab=0>

²⁰ Sjöström S., Zetterberg L., Markström U. Указ. соч. P. 423.

ющее заявление в административный суд.

До обращения в суд пациент может принудительно удерживаться в психиатрическом медицинском учреждении в течение лишь четырех недель по решению главного психиатра этого учреждения.

Суд вправе применить к пациенту принудительное амбулаторное лечение на период в четыре месяца, а затем продлить его на шесть месяцев. Кроме того, суд уполномочен установить для пациента особые условия (обязанности), к которым отнесены следующие:

- обязанность соглашаться с назначенными лекарственными препаратами и лечением;
- обязанность поддерживать связь с назначенным судом лицом;
- обязанность находиться в определенном месте жительства или в определенном учреждении, посещать профилактические мероприятия или получать социальную помощь;
- обязанности, связанные с местом жительства, работы или учебы;
- запрет на употребление наркотических веществ и алкогольных напитков;
- запрет на посещение определенных мест или установление контакта с определенными лицами;
- другие необходимые условия или условия, связанные с реализацией согласованного плана лечения.

Интересно, что неисполнение указанных обязанностей само по себе не является безусловным основанием для повторной принудительной госпитализации лица.

Для такой госпитализации требуется крайняя, «жизненная» необходимость в стационарном лечении индивида. Таким образом, основания для повторной госпитализации лиц, переведенных на амбулаторное лечение, практически идентичны таковым для лиц, ранее не принуждавшихся к стационарному или амбулаторному лечению²¹.

Теперь подробнее остановимся на вопросах правового регулирования оказания принудительной психиатрической помощи положениями Закона Швеции № 1128.

Принудительная помощь определяется как принудительная психиатрическая помощь в режиме закрытых дверей или, после оказания такой помощи, как принудительная психиатрическая помощь в режиме открытых дверей.

Помощь, предоставляемая при госпитализации пациента в медицинское учреждение, называется психиатрической принудительной помощью в режиме закрытых дверей.

Иная помощь в соответствии с указанным законом называется принудительной психиатрической помощью в режиме открытых дверей.

Принудительная помощь должна быть направлена на то, чтобы позволить пациенту добровольно внести свой вклад в ее оказание и получить поддержку, в которой он нуждается.

Особо отмечается, что принудительные меры в рамках оказания психиатрической помощи могут использоваться только в том случае, если эти действия пропорциональны их цели. Следует использовать меньшие меры принуждения, если они достаточны.

Принуждение следует осуществлять настолько мягко, насколько это возможно, и с максимально возможным учетом особенностей пациента.

Принудительные меры с целью осуществления помощи могут использоваться только в том случае, если пациент не может добровольно участвовать в необходимой помощи посредством персонализированной информации. Такие меры не могут быть использованы в большей степени, чем необходимо для того, чтобы побудить пациента к этому.

Определены основные требования к принудительной помощи.

Принудительная помощь должна предоставляться только в том случае, если пациент страдает серьезным психическим расстройством, с учетом его психического состояния и личных обстоятельств в целом. Одновременно пациент должен иметь острую потребность в психиатрической помощи, которая не может быть оказана другими способами, кроме как при госпитализации пациента в медицинское учреждение для получения квалифицированного психиатрического лечения (психиатрическая

²¹ Sjöström S., Zetterberg L., Markström U. Указ. соч.

принудительная помощь в режиме закрытых дверей), или **необходимо соблюдать особые условия, чтобы иметь возможность оказывать необходимую психиатрическую помощь** (психиатрическая принудительная помощь в режиме открытых дверей).

Предпосылкой для оказания принудительной помощи является то, что пациент выступает против такой помощи — или психическое состояние пациента дает основания полагать, что помощь не может быть предоставлена с его согласия.

Принудительная помощь не должна предоставляться, если психическое расстройство пациента представляет собой только задержку развития.

При оценке необходимости помощи следует также учитывать, является ли пациент вследствие его психического расстройства опасным для себя или физического и психического здоровья других лиц.

Отдельно регламентированы вопросы **оказания принудительной помощи по решению суда**.

Если главный психиатр обнаруживает, что пациент должен получать принудительную медицинскую помощь и после истечения четырех недель со дня госпитализации, он обращается в административный суд для утверждения такой помощи до истечения четырехнедельного периода. Главный психиатр также обращается в административный суд для получения согласия на продолжение оказания помощи, когда он считает, что принудительная психиатрическая помощь должна быть предоставлена в режиме открытых или закрытых дверей.

В заявлении должно быть указано, **к какому виду относится психиатрическая помощь** — режиму закрытых либо открытых дверей.

В заявлении об оказании психиатрической помощи **в режиме закрытых дверей** указываются обстоятельства, которые составляют основу принудительной помощи, а также приводятся соображения, которые были сделаны относительно другой формы помощи для пациента. Заявление должно содержать данные о поддержке и лечении, заплани-

рованных для пациента во время и после пребывания в отделении медицинского учреждения.

В заявлении о предоставлении психиатрической помощи **в режиме открытых дверей** указываются обстоятельства, которые составляют основу для принудительной помощи, конкретные условия, которые должен предусматривать закон, и, насколько это возможно, отношение пациента к этим условиям. Заявление должно включать **скоординированный план помощи**.

Этот план должен, в частности, содержать информацию о:

- предполагаемой потребности в действиях со стороны ландстингов по вопросам здравоохранения и социальных или медицинских услуг;

- решении относительно действий и, насколько это возможно, отношении пациента к действиям в плане помощи;

- подразделении в ландстинге или муниципалитете, ответственном за соответствующие действия;

- любых действиях, предпринятых кем-либо, кроме ландстинга или муниципалитета.

План помощи утверждается главным психиатром, если он считает, что пациент будет нуждаться в оказании психиатрической помощи в режиме открытых дверей. План помощи должен быть разработан по возможности в консультации с пациентом и, если это не является неуместным, с его родственником. План помощи должен быть разработан в сотрудничестве между подразделениями муниципалитета или ландстинга, ответственными за данную деятельность. План помощи утверждается в том случае, когда он скорректирован подразделениями учреждений.

Главный психиатр информирует соответствующее подразделение в ландстинге, муниципалитете или другом административном органе о решениях по принудительной психиатрической помощи в режиме открытых дверей.

Суд по указанному выше заявлению принимает решение о продолжении принудительной психиатрической помощи в режиме открытых или закрытых дверей.

Если суд удовлетворяет заявление, помощь будет оказываться максимум в течение четырех месяцев, начиная с даты принятия решения. Вместе с тем по требованию главного психиатра суд может признать, что принудительная психиатрическая помощь будет продолжена в режиме открытых или закрытых дверей и далее. Такое согласие может быть дано максимум на шесть месяцев за один раз, начиная с даты, когда административный суд выносит решение по этому вопросу.

Заявление о продлении оказания помощи должно быть принято в административном суде до истечения срока действия действующего решения.

К заявлению о продлении принудительной психиатрической помощи в режиме открытых дверей должны быть приложены сведения о выполнении плана скоординированной помощи.

Если заявление по вопросу об оказании принудительной психиатрической помощи было подано в административный суд, оказание помощи продолжается до решения административного суда в форме, предписанной в последнем решении о принудительной помощи.

При отклонении судом заявления помощь необходимо немедленно прекратить.

Теперь рассмотрим вопросы, **связанные с судебным обжалованием решений об оказании принудительной психиатрической помощи.**

Пациент может в **административном суде** обжаловать решение главного психиатра об оказании принудительной помощи. Считается, что такая апелляция включает и требование о прекращении оказания такой помощи.

Также пациент вправе обжаловать в судебном порядке решение о **применении в отношении него любых принудительных мер.**

Пациент может обжаловать в административном суде и ряд других решений главного психиатра (перечень которых закрыт), например:

- отказ в удовлетворении заявления о прекращении оказания принудительной помощи;

- решение об уничтожении или продаже изъятого имущества;

- отказ в удовлетворении заявления о разрешении пребывать вне зоны медицинского обслуживания либо решение об аннулировании такого разрешения;

- решение об установлении особых условий при оказании принудительной психиатрической помощи в режиме открытых дверей.

Интересно, что **главный психиатр не может обжаловать какое-либо решение суда.**

Особо отмечено, что до рассмотрения апелляции административный суд незамедлительно поручает главному психиатру прокомментировать основания для принятия оспариваемого решения.

Остановимся на вопросах **рассмотрения судом дел, связанных с оказанием принудительной психиатрической помощи.**

Такие вопросы **рассматриваются административным судом по месту нахождения медицинского учреждения.**

Дела, **связанные с оказанием принудительной психиатрической помощи,** должны приниматься к производству незамедлительно.

Административный суд изучает вопрос о **соблюдении сроков обжалования.** В случае их нарушения жалоба подлежит отклонению (если только задержка не связана с главным психиатром, который дал пациенту неправильную информацию о том, как подать апелляцию). Апелляция не может быть отклонена, если она была получена главным психиатром до истечения срока на обращение. В этом случае главный психиатр немедленно направляет апелляцию в административный суд.

Дело в административном суде **должно быть рассмотрено в течение восьми дней** с даты подачи заявления или апелляции в административный суд. Административный суд может продлить это время, если требуется дополнительное исследование обстоятельств дела или если какие-либо другие обстоятельства обуславливают такую необходимость.

Административный суд может также в некоторых случаях продлевать срок рассмотрения дела по мотивированному ходатайству главного психиатра.

Административный суд вправе провести **устное слушание**, если оно явно

не является излишним. В некоторых случаях такие слушания проводятся только по ходатайству пациента или по инициативе суда.

Устные слушания по общему правилу проводятся в медицинском учреждении, где находится пациент. Он должен присутствовать на слушании, если это позволяет психическое состояние. Опекун пациента имеет право присутствовать на слушании и, по возможности, получать информацию о нем. Главный психиатр должен быть заслушан на судебном заседании, если суд не признает это явно излишним.

Административный суд также вправе привлечь к участию в деле медицинского эксперта. На слушании эксперт может задать вопросы главному врачу и пациенту для получения информации по вопросам, относящимся к его компетенции.

Лицу, дело которого назначено к рассмотрению, в некоторых случаях должен быть назначен общественный защитник (за исключением случаев, когда такая необходимость явно отсутствует), например, если: обжалуется решение о госпитализации для оказания принудительной медицинской помощи; решается вопрос о продолжении оказания принудительной помощи либо принимается решение о прекращении принудительной психиатрической помощи; обжалуется отказ в заявлении о прекращении принудительной помощи.

В некоторых случаях вместо главного психиатра в судебном заседании может участвовать **старший врач** медицинского учреждения со специализацией по любой из психиатрических специальностей.

Литература

1. Лебедев В.М. Становление административного судопроизводства имеет важное значение для развития общества и государства в целом / В.М. Лебедев // Судья. 2018. № 11. С. 5.

References

1. Diseth R.R. Potential legal protection problems in the use of compulsory commitment in mental health care in Norway / R.R. Diseth, P.A. Høglend // International Journal of Law and Psychiatry. 2011. Vol. 34. Iss. 6. P. 393–399.
2. Sjöström S. Why community compulsion became the solution — reforming mental health law in Sweden / S. Sjöström, L. Zetterberg, U. Markström // International Journal of Law and Psychiatry. 2011. Vol. 34. Iss. 6. P. 419–428.

Решение о госпитализации в медицинское учреждение продолжает применяться, если пациент переводится в другое медицинское учреждение без принятия решения о приостановлении принудительной психиатрической помощи.

Решения, принятые по вопросам, связанным с оказанием принудительной психиатрической помощи, **подлежат немедленному исполнению.**

В качестве **мер предварительной защиты** предусмотрено, что, если есть разумные основания предполагать, что кто-то страдает от серьезного психического расстройства и опасен для безопасности другого человека или его личной жизни — или иным образом нуждается в немедленной помощи, — полиция может временно позаботиться о нем или подождать, что такую помощь предоставят медицинские работники. Ожидающий помощи может быть доставлен в медицинское учреждение, которое сможет оказать поддержку и лечение.

Наконец, пациент, который получил принудительную психиатрическую помощь, должен, как только разрешит главный психиатр, получить также информацию о его праве: обжаловать решения; пользоваться услугами представителя (в том числе адвоката), общественного защитника.

В качестве дополнительной гарантии закреплено положение о том, что текст Закона Швеции № 1128 должен быть доступен пациентам в медицинском учреждении (находиться в поле их видимости).

Таким образом, в рассмотренных нами государствах реализованы весьма прогрессивные, по нашему мнению, правовые модели в исследуемой области.